

В. К. СТАНЮКОВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ О В. Я. БРЮСОВЕ

Публикация [Н. С. Ашукина] и Р. Л. Щербакова

Владимир Константинович Станюкович (1873—1939) — искусствовед и писатель. В 1886—1887 гг. он был ближайшим товарищем Брюсова по гимназии Креймана. «Знакомство со Станюковичем,— вспоминал об этом времени Брюсов,— побудило меня обратиться к русской литературе, которую я почти совсем не знал» (*Из моей жизни*, стр. 35). Дружба, основанная на общих литературных интересах, продолжалась и после того, как в 1887 г. Станюкович перешел из гимназии в 4-й Московский кадетский корпус. Она прошла через все гимназические годы Брюсова, в течение которых «первый сотоварищ по поэзии», как он назвал Станюковича, играл значительную роль в его жизни (там же, стр. 39, 49, 55, 73).

В 1894 г. Станюкович был произведен в офицеры и получил назначение в Харьков. Здесь он сблизился с группой революционно настроенной молодежи, был связан с харьковским революционным подпольем. Выйдя в 1897 г. в отставку, Станюкович поступил на службу в Страховое общество, жил сначала в Харькове, затем в Саратове. В 1900 г. он впервые выступил в печати с рассказом «Беглец», продолжавшим традицию писателей-демократов. К этому же времени относится работа над неопубликованной драмой «Мрак», рисующей картины голода в деревне.

В 1904 г. Станюкович был призван в армию и принял участие в русско-японской войне. Результатом фронтовых впечатлений явилась книга «Пережитое. Воспоминания зрителя войны» (СПб., 1907) — обличительный документ, рисующий развал русской армии, бездарность ее командования, бессмысленную гибель сотен тысяч солдат. На книгу был наложен арест, автору предъявлялось обвинение в «дерзостном неуважении к верховной власти».

Все эти годы Станюкович редко встречался с Брюсовым, но связи с ним не терял, и в течение 14 лет (1894—1908) между ними шла переписка, особенно активная в 1894—1899 гг. Однако к 1896 г. в отношениях их наметился перелом: литературная позиция Брюсова, заявленная им в сборниках «Русские символисты» и «Chefs d'Oeuvre», оказалась неприемлемой для Станюковича. «Я все более и более удаляюсь от твоей дорожки», — писал он Брюсову в 1895 г., а через год крайне резко сформулировал свое неприятие символизма: «Это вовсе не поэзия будущего, а гастрономическая забава обеспеченных и пресыщенных людей» (см. ниже, стр. 755, 756). Переписка их за 1890-е годы — непрерывная полемика, в которой оба корреспондента пытаются сформулировать и защитить свои позиции. «С тобой мы жили исключительно литературными интересами,— писал Станюкович Брюсову в 1896 г.,— а потому, раз они разошлись, солидарность перешла в спор, становящийся все более и более ожесточенным—по мере расхождения наших взглядов на искусство» (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 17 об.). Взаимопонимание, связывавшее их в юности, постепенно исчезало, дружеские связи слабели и в 1909 г. прервались совсем.

По возвращении из армии Станюкович поселился в Петербурге и возобновил службу в Страховом обществе. В то же время он продолжал литературную деятельность, стал серьезно работать в области русского искусства. В 1906 г. вышел его очерк «В. Э. Борисов-Мусатов», в 1907 г.— сборник прозы «Путевой альбом».

После Великой Октябрьской революции Станюкович заведовал Музеем дворянского быта («Дворец Шереметевых»), затем был главным хранителем историко-бытового отдела Государственного Русского музея в Ленинграде. Ему принадлежит ряд работ по истории русского крепостного искусства, изданных в 1923—1927 гг.

30 ноября 1925 г. Станюкович писал Н. С. Ашукину о своей дружбе с Брюсовым: «История наших юношеских отношений настолько сложна, что я затрудняюсь ее передать вкратце. Я думаю, что придет время, когда мои воспоминания (...) появятся в печати» (собр. М. Г. Ашукиной, Москва). Эти воспоминания, написанные, по-видимому, тогда же, охватывают более двадцати лет (1886—1908) и дают интересный материал для изучения творческой биографии Брюсова; ценность его увеличивают 24 письма поэта, включенные в состав воспоминаний.

Все свидетельства Станюковича отличаются большой достоверностью, что подтверждается сопоставлением их с рядом документов, которыми он не имел возможности пользоваться, в частности, с его собственными письмами, сохранившимися в брюсовском архиве. Отдельные неточности, допущенные им, касаются исключительно датировок некоторых фактов, но отнюдь не их существа. Так, два недатированных письма Брюсова за 1895 и 1899 гг. (п. 7 и 18) Станюкович отнес к 1896 и 1898 гг., поставив их соответственно под № 11 и 17; литературные беседы у Брюсова, имевшие место в 1891—1892 гг., отнесены к 1892—1893 гг., приезд Станюковича в Москву весной 1898 г. — к 1899 г. Эти и другие подобные им мелкие неточности исправлены без специальных оговорок, что обозначено угловыми скобками (см. ниже стр. 718, 721, 726, 727, 730, 737—740, 744, 745, 749). Письма, ошибочно датированные Станюковичем, перенесены на места, соответствующие их действительной дате.

Воспоминания печатаются по автографу (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 113); письма Брюсова, включенные в них в копиях, выправлены по автографам, сохранившимся в архиве Станюковича (Гос. Русский музей, секция рукописей, ф. 27, ед. хр. 97). Черновые автографы п. 7 и 14 сохранились в архиве Брюсова (ГБЛ, ф. 386.73.28). Там же хранятся 26 писем Станюковича Брюсову (1894—1909; ф. 386, 103.49); выдержки из них приводятся в примечаниях к настоящей публикации.

1
<1884—1886>

Место действия — Москва. Время — 1884, 1885 годы.

Против красной колокольни Петровского монастыря — белый с колоннами куб дома Самариной, наверху торжественный, а внизу загрязненный вывесками, мастерскими с запylенными окнами, лавчонками¹.

Каждый день, в девятом часу утра по бульварам, сверху и снизу, из переулков и по Петровке быстрым шагом к белому кубу самаринского дома несутся мальчики и юноши разнообразно, но хорошо одеты. Старшие — прямо франты. Богатенькие важно подкатывают на одиночках, на собственных лошадях с толстыми кучерами на козлах².

Молодежь влетает в ворота — и налево, в подъезд. Сквозь полутемный вестибюль старого барского дома, где когда-то дремали крепостные лакеи, несетя лавина к вешалкам и наверх, по торжественному маршу каменной лестницы, широко распадающейся на два марша. Стены и потолки богато расписаны. Всюду древние доспехи: шлемы, щиты, мечи, копья... Но глаза не смотрят на пышную роспись, впиваются в круглое око колонны часов. Не опоздал ли?

И тогда — направо, в зал.

Словно в карусели, шумя, крича, жестикулируя, забродил уже по кругу гудящий гимназический рой. Междудвигающимися группами взрослых выется мелкая рыбешка, мелюзга, играющая в «салки». И скамьи по стенам все заняты — сидят, разговаривают, дозубривают, дописывают.

Зал прекрасен, высок и строен. С расписного потолка опускаются две большие бронзовые люстры. Высоко над бродящим роем спокойно изогнулась арка хор, откуда когда-то (и не так давно — 25 лет тому) гремел крепостной оркестр. Под хорами торжественная дверь. Возле нее группа озабоченных. Это — «учительская».

МОСКВА. УЛИЦА ПЕТРОВКА

В третьем здании справа помещалась гимназия Ф. П. Креймана, где Брюсов учился в 1885—1890 гг.

Фотография, 1920-е годы

Музей истории и реконструкции Москвы

Без пяти девять правильное движение массы по кругу заминается. Рой делится на два: один помоложе, другой постарше, и оба, оседая к учительской, оставляют перед собою пустоту, над которой в углу поблескивает икона.

У колонны учительской двери возникает маленькая аккуратная фигурка с длинной седеющей бородой. Это — директор гимназии Франц Иванович Крейман³. Сложив ручки на животике, он замирает у колонны.

Шум роев затихает. Директор недвижно ждет тишины.

И в момент наступившего молчания медленным наклоном головы он дает знак отделившемуся от старшей группы гимназисту (в наше время это был Терещенко).

Тот поворачивается к образу и медленно и четко читает ряд молитв, заканчивающийся молитвой перед учением. Окончив, он поворачивается кругом и кланяется директору. Повторяя это движение, рой поворачиваются и, шаркая, отвешивают поклон. Франц Иванович, творя церемониал, плавно кланяется своим ученикам.

Учебный день начался. Все устремляются к двери, ведущей в классы.

В старом барском доме к залу примыкал ряд гостиных, превращенных теперь в классы. Их стены лишились былых обивок и украшений; ныне они выбелены, и темные высокие панели ввиду придают им казенный, нежилой вид. Но две комнаты хранят еще фронтоны. Вкруг их колонн во время перемен вьются, прячась, шалуны. Потолки сохранили старую роспись арабесками. В их сложных завитках глаза школьников часто ищут ответа на заданные вопросы.

Вдоль классов шел темный уступчатый коридор — печальное место изгнания из классов.

И было еще одно жуткое место — библиотека. Она помещалась за стеклянными дверьми парадной лестницы. Высылаемые, стоя здесь, ежеминутно подвергались риску быть замеченными директором и воспитателями, так как здесь шел ход в третий и четвертый этажи, где помещались два класса, спальня пансионеров и столовая.

Я не принадлежал к числу тех счастливцев, которые прибегали в гимназию к девяти часам утра и возвращались домой по окончании уроков. Отец не жил в Москве, отдал меня в пансион «живущим», и вся моя жизнь проходила в стенах белого самаринского дома. Часы, свободные от уроков и подготовки к ним, были строго (по-немецки) регламентированы. Прогулка парами по определенным круговым маршрутам по ближайшим к гимназии кварталам, игра на песчаном дворе (за белым домом) в лапту или лунки, а если не составлялась партия, шатание по этому двору группами или парочками. В ненастные дни мы сидели подолгу на подоконниках и смотрели из окон на запущенный сад с прудом и зарослями на той стороне. На пруде еще не было катка, театр Корша еще не строился, и бывший парк умирал от сора и запустения⁴.

Имея нескольких друзей из «приходящих», я не сходил с «живущими» товарищами.

Глядя на прошлое теперь, я объясняю это следующим: большинство моих товарищей происходило из дворянских или купеческих семей, живших в провинции. Помню, их очень внимательно обслуживали гимназические «дядьки». По-видимому, они имели карманные деньги, так как часто посылали за ветчиной, сладостями, пирожками. У меня этого не было. Отцу *, отдавшему меня почему-то в этот дорогой пансион (стоил он 750 р. в год при своем платье и белье, и даже книгах), было трудно затрачивать на меня 1000 р. в год, карманных денег он мне не давал, и я поневоле, не желая быть прихлебателем, сторонился своих богатых товарищей. Не помню даже случая, чтобы кто-нибудь из старших оказал мне покровительство. Я замкнулся и погрузился в чтение.

Я поступил к Крейману в январе 1884 года в приготовительный класс.

Из учителей, преподававших в 1-м классе, я помню Ю. Виппера **. Добрый старик являлся к нам в вицмундире чиновника, преподавателя казенной гимназии: в синем фраке с золотыми пуговицами. Как умел он кружить наши мальчишеские головы! Во время его уроков все в мире становилось разумным и пленительным. Обжигаемая солнцем, летела Земля по своей орбите. Корабли, опутанные сетью рей и снастей, распускали паруса (он называл каждый парус и чертил корабль на доске), уплывали в жаркие страны. Там, в глубоких бухтах, под пальмами, грузили они слоновую кость и кокосовые орехи с тонких лодок, полных черными голыми людьми. Его уроки были пленительными путешествиями в неведомые страны⁵.

Был еще один — учитель русского языка, Василий Иванович Покровский, волновавший наши сердца чтением. Он тоже приходил во фраке, но в черном и без золотых пуговиц, с засаленными фалдочками, обтрепанном и куцём, и имел жалкий вид. Худой и длинный, пощипывая рыжую бороденку, он так горестно передавал страдания героев, что зажигал наши сердца состраданием.

Латынь преподавала дочь Креймана — Анна Францевна. Она приходила не в вицмундире, а в платье с турнюром (тогда носили турнюры) и, заложив левую руку на эту площадку, большими шагами разгуливала по

* Мой отец — юрист, позже московский нотариус, вел в это время крупные гражданские процессы, и дела его клиентов требовали постоянных разъездов по стране. Часто он месяцами жил за границей (примеч. автора).

** Отец историка Р. Ю. Виппера. Последнего я помню темноволосым мальчиком с вечно гримасничающим ртом и острыми глазами (примеч. автора).

классу, успевая за урок раза по три спросить каждого ученика. Она держала нас в таком напряжении, что после ухода ее все мы были измучены. День, в который было два ее урока подряд, мы считали самым трудным.

Воспитанием пансионеров ведали специальные немцы. Во главе их стоял грузный рыжий Линде, собиратель бабочек и поэт, написавший изданную в Москве драму «Гудрун»⁶. Он являлся в гимназию с карманами, набитыми бутербродами, и непрерывно питался ими. Лысый, он носил рыжий парик и думал, что никто этого не замечает.

Вторым был его последователь, а может быть, и ученик Петерсон. Самовлюбленный и наглый, он свысока относился к своим воспитанникам. Он непрерывно был занят поэтическим творчеством и переписыванием прекрасным бисерным почерком своих творений. Вечером, когда он сидел за столом, перед рядами парт, за которыми ученики готовили уроки, его порой охватывал такой приступ вдохновения, что класс неожиданно оглашался ликующим сладостным вздохом, и Петерсон, заката глаза, откидывался на спинку стула.

Больше всех отдавал нам времени внешне грубый и ворчливый, а внутренне неожиданно нежный, седой, взлохмаченный, небрежно одетый Брюккер, почему-то прозванный «Ведьмой»⁷.

В начале 1885 г. я заболел. Чем — забыл спросить по выздоровлении, но заболел так сильно и так мучался одиночеством, что вызвали отца. Эта болезнь переродила меня, и с той поры началась моя сознательная жизнь, определились вкусы и стремления. Уголок переживаний того времени я пытался передать в своем «Путевом альбоме», в отрывке «Бог».

Осенью 1885 г., вернувшись с каникул, я с жадностью погрузился в чтение. Между тем, характер преподавания и курсы значительно изменились. Теперь главное внимание было обращено на преподавание этимологии и синтаксиса русского языка и на латинский язык. Латынь, а позже и греческий язык преподавал нам муж Анны Францевны — фон Фолькман, зять директора, соединивший в себе немецкий педантизм с высокомерием остзейского полубарона⁸.

Частная гимназия, в которой училась богатая молодежь, стремилась щегольнуть постановкой преподавания мертвых языков. В старших классах преподавали лучшие московские филологи; а перед выпуском кончающие ученики, демонстрируя совершенное знание греческого языка, выступали в трагедиях Софокла или комедиях Аристофана на сцене гимназического театра. Такие спектакли собирали в залу гимназии всех преподавателей и любителей греческого языка и вызывали большие толки и похвалы⁹.

Мы же, пред вкушением Гомера и Овидия, настойчиво долбили слова, исключения, синтаксис etc., etc.

Помню зловещую тишину класса, бесконечные повторения одних и тех же вопросов, пока самый последний ученик не усваивал преподаваемой премудрости. Горе тому, кто понимал скоро!

В эти дни, в засушенном латынью и синтаксисом классе, возник кружок, задумавший издавать рукописный журнал. В кружок этот входили: Синюшин, Вебер, Соколов и я, выбранный ответственным редактором. Журнал должен был выходить еженедельно в формате мелко исписанного листа и получил название «Начало».

Затея имела успех. «Начало» выходило в нескольких экземплярах, так как нашлись добровольцы-переписчики. Заглавную надпись замысловато вычерчивал классный художник Калинин, рано погибший чахоточный мальчик.

Вебер, сын богатого немецкого негоцианта, дал в журнал приключенческий индийский роман в стиле Л. Жаколио; Синюшин — сын русского купца — «Путешествие на Воробьевы горы» с собственным эпиграфом, почему-то залежавшимся в моей памяти:

Воробьевы наши горы
 Выше всех стоят в Москве,
 А под ними по реке
 Быстро ходят пароходы.

Но ближе всех в те дни был мне Соколов — странный мальчик, происхождение и жизнь которого были для меня загадочны, а для него — мучительно. Он был «живущим» и писал скорбно-таинственные рассказы, неизменно кончавшиеся катастрофой. Он часто читал мне их вечерами в полутемном классе. Прерывисто-скорбный, взволнованный шопот его и блеск его темных глаз еще доходят до меня сквозь толщу времени. Но не осталось ни строчки от его писаний. Он уехал на рождественские каникулы, заболел какой-то острой-заразной болезнью и умер.

Это было, кажется, раннею весною (1886 г.). Меня вызвали в приемную. Взволнованный, вбежал я в нее и был почтительно представлен воспитателем высокой даме в черном. Она нежно поцеловала мой лоб и посадила рядом с собою. Воспитатель вышел. Она плакала. Я недоуменно глядел на нее.

До сих пор я не забыл ее нежной красоты и скорби. Прерывистым шопотом рассказывала она, как умирал ее сын, как часто вспоминал обо мне, и слезы срывались с ее темных ресниц, и колыхался воздушно-траурный вуаль ее шляпы.

Она просила отдать все оставшееся от сына — его рукописи. Я принес ей по темному коридору тетрадку. С каждым шагом <тетрадь эта> мне становилась дороже. Ее схватили дрожащие руки. Держась за перила, спускалась по лестнице скорбная мать, прижав к груди правой рукой драгоценную ношу.

Несколько времени спустя меня вызвали вниз, в швейцарскую. Там встретил меня высокий бакенбардист-лакей и передал мне с письмом огромную тяжелую коробку. В письме она просила меня и класс принять в память сына подарок — конфеты. Я поднялся в класс, где сидели товарищи. Подарок был встречен шумно и радостно. Их было много, этих шикарных конфет из лучшей кондитерской.

В эти дни я и познакомился с Брюсовым. Не помню, когда он поступил в гимназию, был ли со мною в первом классе ¹⁰. Только теперь его худая, сутулая фигурка в серой, мешком сидящей блузе и в серых штанах, возникла передо мною и мы быстро сдружились.

У Брюсова оказалось много материала для «Начала». Это были замыслы и наброски повестей, полные приключений и тайн ¹¹. Я сам был начинен Купером, Эмаром, Майн Ридом и Жюль Верном, но знания Брюсова в этой литературе значительно превосходили мои. К тому же я совершенно не знал Э. По, которого Брюсов читал и любил уже в это время ¹². Еще больше удивила меня его память, позволявшая ему рассказывать прочитанные вещи почти дословно.

Мы уселись поближе друг к другу — на одной парте — и без умолку, поскольку нам не мешали учителя, делились добытыми знаниями. Так, помню, Брюсов подробно рассказал мне конец капитана Немо («Таинственный остров», который я не мог достать) ¹³. Помню, что взамен рассказанного мною «Героя нашего времени» Лермонтова, Брюсов, не одобрявший романа, рассказал мне «Золотого жука» Э. По.

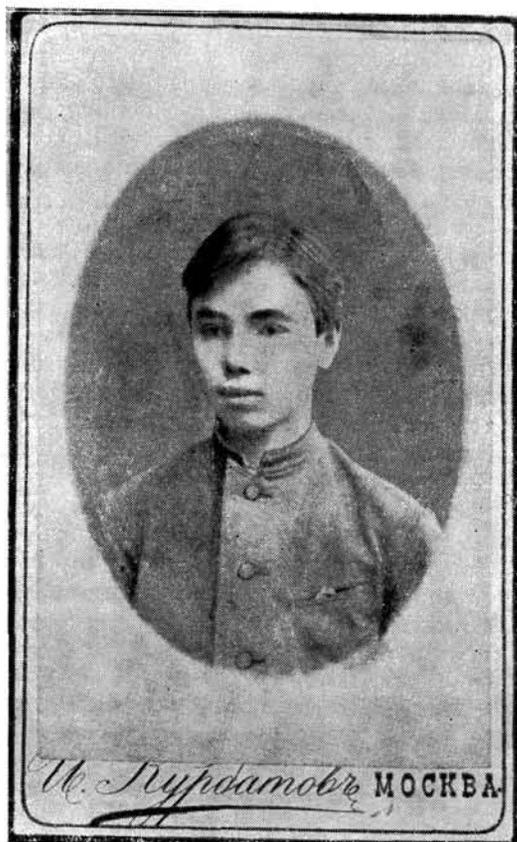
Эта потребность делиться друг с другом прочитанным (а читали мы запоем) продолжалась все время нашего совместного пребывания в гимназии. С утра мы искали друг друга, были неразлучны на большой перемене и по окончании уроков часто засиживались в классе, пока Брюсова не изгоняли домой, а меня наверх — обедать.

Но не об одной только литературе шли наши беседы. Брюсов, ухודив-

БРЮСОВ — ГИМНАЗИСТ

Фотография И. Курбатова. Москва,
1885

Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

ший каждый день в три часа домой, живший на воле, в семье, был для меня средством общения с внешним миром, и, запертый в белом кубе самаринского дома, я с жадностью расспрашивал его обо всем.

Как-то зашла речь о мироздании, и Брюсов последовательно, в течение нескольких дней рассказывал мне теории Канта — Лапласа и Дарвина¹⁴.

Мне, воспитанному матерью в духе правовернейшего православия; мне, чувствовавшему надо всем миром и над собой простертую длань «вседержителя»; мне — такому одинокому, забытому, ищущему опоры, мне — признать, что нет бога?! Я спорил, я защищал своего бога от этих холодных выкладок науки, но логика этого черноглазого скуластого мальчика была сокрушительно сильна. Он горячился, — быть может, и в его детской душе жил ужас, что нет огромного теплого бога. Тише и нерешительней были мои возражения...

И вот свершилось! Скатилась великолепная порфира; рухнул гигант, рассыпался пеплом.

Ясно помню эту минуту. Мы шли с завтрака из столовой четвертого этажа и подошли к площадке лестницы, круто спускавшейся вниз. Передо мною широкое окно; с высоты видны покрытые снегом крыши домов, верхушки деревьев, трубы, дымы — уходящая далеко-далеко Москва. И над нею ясное пустое небо — без бога.

Наши разговоры о боге и выводы из них не могли остаться тайной для соседей, и один из них (Василий Стрөөв) неожиданно причинил нам неприятность. Вел ли он дневник или хотел выразить свое удивление другому товарищу, неясно; но он написал на листке: «Брюсов и Станюкович гово-

рят, что бога нет». Листок этот был отобран учителем и передан воспитателю.

Над нами собралась гроза. Все поглядывали на нас с изумлением, даже из других классов забегали посмотреть безбожников. Но молчали. Молчалива была и наша прогулка с Брюсовым на большой перемене.

Вечером мне стало известно, что мы отданы на духовный суд законоучителю.

Закон божий преподавал у нас профессор богословия Московского университета протоиерей Сергиевский. Высокий старик редкой красоты с длинною седою бородою, он напоминал образ бога Саваофа, рисуемый в куполах. Он должен нас судить — и в этом сходстве таилась для меня какая-то жуткость.

Настал урок закона божия. Шумя шелковой рясой, величавою поступью вошел Сергиевский в класс. Прочли молитву. Спокойно сел он за учительский стол, и в наступившей тишине прозвучали две наших фамилии. Мы вышли и стали по сторонам его стола.

— Это вы говорите, что бога нет? — спокойно спросил он. — Не думайте, что это ново. Гордые своим разумом, люди часто, но тщетно пытались колебать престол всевышнего. Дайте свои псалтыри.

Мы принесли псалтыри, по которым как раз в эти дни учили наизусть «шестипсалмие». Сергиевский полистал и подал каждому из нас по раскрытой книге.

— Вот, станете туда — к стенке — и выучите наизусть псалом 52-й. Он начинается так: «Рече безумец в сердце своем — несть бог».

Речь его была спокойна. Мы стали к стене, а он начал занятия с классом.

Так кончился духовный суд. Сергиевский не спросил у меня 52-го псалма, а позже, вызывая, не делал разницы между мною и другими учениками¹⁵.

Однажды вечером я готовил уроки, сидя рядом с кем-то из старших учеников. Тот зубрил теорию словесности, главу о стихосложении. В то время я уже писал стихи, Брюсов же писал исключительно прозой.

Существование правил стихосложения было для меня неожиданностью: я думал, что стихи рождаются без правил в запевающей душе. Я сейчас же достал у другого старшего ученика теорию словесности и жадно прочел главу. К ночи готово было стихотворение с точно выверенными стопами. Выяснилось, что я и раньше писал ямбы и дактили. Теперь был сделан хорей.

Само собою разумеется, что с утра я уже ждал появления Брюсова, а когда он пришел, — поведал ему о своем открытии и новом стихотворении. Через несколько дней Брюсов принес для журнала едва ли не первое свое стихотворение. Помню лишь его начало:

Пустынен берег океана,
Где мчится Торресов пролив.
Не слышно на горах тимпана,
Не видно там кокосов, слив...¹⁶

Во втором и третьем классе мы перечитали бездну книг, но каждый из нас черпал их из своего источника. Я пользовался главным образом библиотекой гимназии, имевшей всех классиков, и книгами товарищей. Я знал Пушкина, захлебывался Лермонтовым. Сильное впечатление произвел на меня А. Толстой, особенно его «Федор Иоаннович», некоторые сцены которого я знал наизусть. Из современных поэтов дошел до меня Надсон.

Все, что я читал, подробно рассказывалось Брюсову и обсуждалось. Он осуждал многих из моих любимцев, в частности Лермонтова и А. Толстого.

Его интересовали произведения со сложной интригой и сильными характерами, Дюма и Понсон дю Террайль были в то время его любимцами. Мы горячо спорили, но оставались на своих позициях. В этом учебном году (1886/87) стал заметен сдвиг во вкусах Брюсова. Мы читали уже в классе Корнелия Непота, начали греческий язык и постепенно проникались классическими образами¹⁷. На чье воображение не действовал тогда в юности Александр Македонский? Увлечения им не избежал и Брюсов. В одном из номеров «Начала» появилась небольшая поэма его, посвященная этому герою.

Помню, с какой болью я выслушал осуждение Брюсовым «Севастопольских рассказов» Л. Толстого: «Где же тут герои? Разве герои таковы?»

Но наши споры не отзывались на нашей дружбе. Непрерывно споря, мы делали все необходимое друг другу, ощущая (не понимая), что связывающая нас страсть к искусству слова выше наших расхождений.

Нам было мало наших ежедневных встреч и (воспользовавшись временным пребыванием отца в Москве) большую часть праздничных дней я стал проводить у Брюсова на дому.

Мне трудно вспомнить теперь (позднейшее заслоняет предыдущее), сразу или позднее родилось у меня неизгладимое впечатление от дороги к дому Брюсовых на Цветном бульваре. Думаю, что сразу, так как мои посещения могли происходить в субботу вечером или в праздничные дни, когда в кварталах, примыкавших к нему, шел пьяный содом.

Старая Москва, образ которой дает Брюсов в своей маленькой поэме «Мир»¹⁸, не похожа на теперешнюю. С той поры, вместе с чесночным запахом жаровень с колбасой и кишками, пропитавшим московские улицы, выветрился и характер восточного базара, который носила Москва нашей юности.

Чтобы дойти до Брюсова, нужно было либо пройти по Неглинному проезду, пересечь толкучку «Трубы», миновать цветочные магазины и балаганы, раскинувшие по Цветному бульвару аллею своего цветного тряпья, либо... либо спуститься со Сретенки по грязным переулкам, пропитанным перегаром пива и еще каким-то невыразимо противным и в то же время волнующим запахом.

Днем по переулкам этим ходить было неловко. Они были молчаливы; странные, нарочито расписанные яркими цветами двери были закрыты, над ними покачивались фонари с красными стеклами.

Но спускался вечер, и снизу, с Цветного бульвара, вливались в переулки звуки шарманок, звонки каруселей. Шумы становились все сильнее, в них вплетались гортанные всплески оркестров, глухие удары турецких барабанов, отсчитывавших, как часы, минуты карнавала.

И чем гуще становилась тьма, тем многоголовее, шумнее, крикливее становился людской поток. Навстречу ему из темных ворот, из подвалов, из черных зловонных нор выползали сильные, опухшие женщины. Они ссорились, ругались истоиво, хватали за рукава проходящих, предлагали за гроши свое дряблое тело.

И запах сивухи, пива и пота мешался с подлой, непрерывно взвизгивающей руганью.

Толпа переполняла бульвар, переливалась за его ограду, вливалась в оплеванные переулки, где уже горели красные фонари. Широко распахнутые двери с ярко выкрашенными, видимыми из переулка коридорами ждали гостей.

И гуляла до зорюшки старая распутница Драчевка¹⁹; подвывали, подпевали ей, шатаясь, ругаясь, ребятки ее распропьяные — «веселые переулочки!»

Тут, на углу лаза, ведшего с Цветного бульвара на Драчевку и дальше, стоял каменный — с улицы двух, а со двора трехэтажный, неряшливый,

как все кругом, словно не проспавшийся, не умытый дом Брюсовых ²⁰. С бульвара хлестали его звуки оркестров, гнусавых шарманок, каруселей, гул гуляющей толпы; со стороны двора просачивались ночью звуки пьяного разврата.

Много лет совершал я эту дорогу и каждый раз, пересекая Трубную площадь, чувствовал, что вступаю в жуткую зону. В незавешенном окне гостиницы, стоявшей на углу, я видел почти голую красивую девушку, манящую меня к себе. С отвращением вырывал я рукав пальто из рук сильной женщины, тащившей меня под темные ворота; обходил сцепившихся в драке; сторонился с дороги шатающегося и изрыгающего ругательства гуляки и, наконец, попадал на остров, стоящий среди взбаламученного моря, где ждал меня друг.

Все это волновало меня — мальчика, юношу. Я ужасался — как могут они спокойно жить в таком омуте? Но я никогда не говорил об этом с Брюсовым. Если мы шли вместе среди мрачного шабаша — мы, не обмениваясь замечаниями, проходили мимо.

Много лет спустя из автобиографии Брюсова я узнал, как влияла на него рядом лежащая зона ²¹.

Парадная дверь со стороны бульвара вела на прямую, крутую и широкую чугунную лестницу, идущую прямо (без площадок) во второй этаж. Наверху налево была квартира Брюсовых.

Когда затворялась дверь, вошедшего охватывал необыкновенно резкий и острый запах, быть может внушительный Брюсову строки его «Мира»:

И запах надо всем, нежалящие когти
Вонзающий в мечты, в желанья, в речь, во все!
Быть может, выросший в веревках или дегте,
Иль вползший, как змея, в безлюдное жилье,
Но царствующий здесь над всем житейским складом,
Проникший все насквозь, держащий все в себе!
О, позабытый мир! и я дышал тем ядом,
И я причастен был твоей судьбе!

Читая впервые эти строки, несмотря на то, что они относятся к пробочному лабазу Брюсовых в Китай-городе, в котором я два-три раза бывал, — я вспомнил щемящий запах не этого лабаза, а квартиры Брюсовых. Вероятно, и в нижнем этаже под квартирой был склад товаров.

Семейная обстановка Брюсовых мне, незнакомому до того с купеческим бытом, сначала показалась странной.

Мне часто приходилось встречаться с его отцом, но он не доставлял меня разговором. «Здравствуйте», «Заходите», «Прощайте» — единственные слова, которые я от него слышал. За семейным столом во время обеда его не бывало. Обычно он сидел за круглым столиком рядом и попивал мадеру: сонное, отечное лицо его было спокойно и невыразительно ²².

Не знаю, был ли он дельцом. По-видимому, нет *. У него была большая библиотека, курьезно составленная. Из старых журналов: «Современника», «Отечественных записок» и др. — вырезались избранные произведения и переплетались по авторам. Кроме этих книг, им самим составленных, в библиотеке было немало книг по переводной беллетристике, экономике и философии. Книги свидетельствовали о былом увлечении хозяина, ныне брошенном. Новых приобретений не было. Шкаф с этими сокровищами скоро перешел в полное распоряжение Брюсова, и я усиленно пользовался им в течение ряда лет.

* Со слов Брюсова знаю, что его отец затеял какое-то аптекарское дело, кончившееся неудачей, что, увлекаясь скачками, имел лошадей и основал общество, имевшее название «Три точки» (примеч. автора).

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

данъ сей *Брюсову Валерию*, *увольнившемуся*
 изъ *Сувенинскому* *училищу*,
 рожденнаго *1 Января 1875 года* въ *Москвѣ*,
 обучающагося съ августа 1895 года въ частной гимназiи
Ф. Крайндла, съ августа 1899 года въ *Московской*
 частной гимназiи *Л. И. Поливанова*
 въ томъ,

во-первыхъ, что на основанiи наблюденiй за все время обученiя его въ частной гимназiи
 Л. И. Поливанова, поведенiе его вообще было *отличное*, исправность въ посещенiи и
 приготовленiи уроковъ, а также въ исполненiи письменныхъ работъ *добросовѣстная*
 прилежанiе *своему* и *любовительность* *своихъ* *уроковъ*
 и во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующiя познаниа:

Именованiе предметовъ.	Оцѣнка, выставленная въ педагогическомъ собѣтѣ.	Оцѣнка, выставленная на экзаменѣ, произведенномъ въ 1899 г. 10 мая въ Гимназiи Л. И. Поливанова.
По Закону Божiю.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Русскому яз. и Словесности.	<i>Хорошая (4)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Логикѣ.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Латинскому яз.	<i>Хорошая (4)</i>	<i>Довольнительная (3)</i>
По Грецкому яз.	<i>Хорошая (4)</i>	<i>Хорошая (4)</i>
По Математикѣ.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Исторiи.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Географiи.	—	<i>Довольнительная (3)</i>
По Физикѣ.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Космографiи.		
По Французскому яз.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Отличная (5)</i>
По Нѣмецкому яз.	<i>Отличная (5)</i>	<i>Хорошая (4)</i>

АТТЕСТАТЪ ЗРЕЛОСТИ, ВЫДАННЫЙ БРЮСОВУ ГИМНАЗИЕЙ Л. И. ПОЛИВАНОВА

4 июня 1893 г.

Центральный архив литературы и искусства СССР, Москва

Как-то за амбаром, на пустыре, называемом «садом», я встретил старика в поддевке, в сапогах бутылками, с седою длиною бородою и совершенно синим носом. Брюсов познакомил меня с ним, назвал его «дедушкой», а когда мы отошли, сказал: «Заметил какой у него синий нос? А между тем за всю жизнь рюмки водки не выпил»²³.

В семье главенствовала мать — полная женщина, очень деятельная и заботливая к детям, которым она, как помнится, предоставляла большую свободу. На Валю она смотрела, как на взрослого, а нас, его товарищей, принимала охотно и радушно. Вспоминая ее, я вижу ее в неизменном широком капоте, окруженную детьми, с шитьем в руках²⁴.

Квартира Брюсовых имела много комнат и закоулков в двух этажах; верхний («мезонин») выходил во двор. Убранство ее было более чем скромным: венские стулья, простые железные кровати. Богатства и зажиточности

в ней не чувствовалось; ничего показного. Неизменное купеческое «зальце», с фонариком, отделенным аркой, могло похвастаться только пианино, которое всегда было занято сестрами, игравшими «упражнения»²⁵, да старыми фикусами.

Мебель была недорогая, рыночная, расставлена была кое-как, и вся квартира производила впечатление небурной; очевидно, хозяйка мало этим интересовалась.

В первый год моего домашнего знакомства дети Брюсовы жили в традиционном «мезонине» («наверху»); темная лестница вела в него из передней. Брюсов жил с братом, несколько моложе его, интересным мальчиком, погибшим в том же году²⁶. Там предавались мы чтению, обсуждению планов наших будущих творений и спорам.

Помню, раз мы почему-то уселись на подоконник третьего этажа и, спустив ноги наружу, мирно читали. Какая-то старушка из окна соседнего дома стала умолять нас слезть с подоконника и все жалела наших родителей.

Все, что мы делали, — делали серьезно. Играм и шуткам не было места в нашей дружбе. Мы не смеялись — и этот сосредоточенно-серьезный тон прошел сквозь все годы наших дружеских взаимоотношений.

Да Брюсов и не умел смеяться — не умел чисто физически. Улыбка его была неумела и не красила, а искажала его лицо. А когда его заражала волна смеха, он мучительно тряс головой, зубы оскаливались. Охватив руками колени, он раскачивался, захлебывался, словно задыхался. Не было перехода к спокойствию: мучительный пароксизм смеха покидал (его), и лицо мгновенно становилось серьезным.

II

1887—1894

Отдавшись литературным увлечениям, я совершенно забросил свои школьные занятия, и во втором полугодии 1886/87 учебного года мои четвертные отметки были отвратительны; особенно плох был только что начатый в третьем классе греческий язык. Я не мог заставить себя взяться за занятия и остался в классе.

Отец решил, что раз у меня нет способностей к языкам, не стоит держать меня в дорогой гимназии. К тому же и дела его пошатнулись и платить за меня 750 р. в год было трудно. Поэтому он перевел меня в 4 Московский кадетский корпус, где пансион стоил гораздо меньше.

Новое закрытое заведение, и притом военное, не изменило моих склонностей. По-прежнему я зачитывался книгами, а в праздничные дни бежал на Цветной бульвар обменяться материалом за неделю и запастись книгами.

Брюсов продолжал издавать некоторое время «Начало», но журнал не мог иметь той прочной организации, которую ему придавала группа «живущих», и захирел. Но Брюсов не унывал и издавал журнал сам для себя. Он показывал мне главы фантастического романа, читал новые стихи, действие коих происходило в экзотических странах или под небом Греции или Рима.

Из бывших одноклассников Брюсов дружил теперь с красивым и разгульным Эйхенвальдом (сыном известного в то время фотографа)²⁷ и А. Лангом (сыном владельца книжного магазина на Кузнецком мосту) — странным долговязым юношей с темными безумными глазами. Он оказался «диким» поэтом, не примкнувшим в свое время к кружку «Начала»²⁸.

Второй период нашей дружбы, когда мы оба жили в Москве, но учились в разных школах, продолжался до 1894 г. — года моего выезда из Москвы.

Мы часто виделись зимою, а летом иногда я гостил по нескольку дней у него на даче в Хорошове и Ховрине.

За это время Брюсов перешел из гимназии Креймана в гимназию Поливанова²⁹. Он серьезнее начал относиться к гимназическому ученью и отдавал много времени на изучение классиков. Это ясно сказалось на темах его ранних работ, которые он читал мне.

Но о своих занятиях он говорил, как о пустяках, характеристики учителей были резки, и в его освещении педагоги выходили похожими на маниаков или одержимых³⁰. Об одном лишь Л. Поливанове он отзывался хорошо.

Переселясь во второй этаж, в комнату, дверь которой приходилась против входной двери квартиры, Брюсов стал обладателем шкафа с библиотекой отца и большого бюро, на верхней доске которого красовался бронзовый бюст баснописца Крылова. Он долго простоял на почетном месте, даже тогда, когда стал уже непонятен в этой комнате, и, наконец, был сослан в коридор на шкаф.

На столе в беспорядке валялись книги, тетради, афиши скачек, которыми одно время он увлекался. По-видимому, он был постоянным спутником отца, имевшего на скачках собственных лошадей (а, может быть, одну лошадь), был, как рассказывал мне, своим человеком на ипподроме, знал родословные лошадей, спортсменов-завсегдатаев и даже редактора журнала «Спорт». Как-то он похвастался мне небольшою статьею в этом журнале, которая меня удивила. В ней, насколько помню, Брюсов строил математическую формулу бега лошади, слагавшуюся из сил, вызывающих развитие скорости, и замедлительной тенденции, вызываемой усталостью лошади. Насколько обоснованы и верны математические выкладки, я не знаю, но занятия Брюсова математическим анализом очень меня поразили. Едва ли я ошибусь, если скажу, что это исследование о беге лошади было первой появившейся в печати работой Брюсова³¹.

Этот, второй период нашей дружбы относится к возрасту (от 14-ти до 20-ти) формирования основных черт характера. Предшествующие два года так сблизили нас, мы стали настолько необходимы друг другу, что, если я не появлялся в течение двух недель, на третью в корпус летела открытка с вопросом: что со мною? Во время летних каникул мы деятельно переписывались друг с другом. Досадно, что на одном из жизненных ухабов я потерял эти юношеские письма. Оба мы шли в жизнь с боем, но, помимо индивидуальных особенностей каждого, наши жизненные бунты протекали в разных плоскостях, и с каждым годом наши мировоззрения все сильнее расходились.

Жизнь, толкнувшая меня после относительной свободы гимназии в тесные военные шеренги кадетского корпуса, настолько взвинтила меня, по природе склонного к протесту, что на 16-м году жизни я оказался в числе организаторов крупного возмущения роты, едва не закончившегося трагически.

Помимо чисто индивидуальных черт, на дорогу протеста толкала меня и близость к новым учителям, из числа которых я скоро сблизился с Ц. П. Балталомом³², преподавателем русского языка, ярким и последовательным материалистом, проводником радикальных идей в затхлую атмосферу военщины корпуса*. Под влиянием этого учителя я все сильнее проникнулся рационалистическими идеями 60-х годов, внимательно изучая мастеров русской школы художественного реализма — особенно Тургенева.

* Как ни странно, в кадетские корпуса часто попадали учителя, изгнанные из казенной школы за неблагонадежность. Помимо Ц. П. Балталона в 4-м корпусе было несколько таких. И все они пользовались большим успехом у своих учеников и имели на них сильное влияние (*примеч. автора*).

Иным был путь Брюсова. Пользуясь в семье свободой и любовью, <он был> огражден ею от резких столкновений с действительностью, <и> его бунту против окружающей его жизни, «медленной и вялой»³³, незачем было принимать таких резких форм. Школа воспитывала его на классических образцах, которые он, способный и трудолюбивый, усваивал с большою легкостью и охотой. Отсюда рано явившееся чувство превосходства над окружающими, уверенность в своих силах, смелость мысли и (как результат) парадоксальность.

Не могу здесь еще раз не вспомнить о жуткой зоне, в которой жил Брюсов. Ее звуки и образы, конечно, непрерывно влияли на формирование его мировоззрения.

Конечно, мы следили и за новейшей литературой, особенно за поэзией. Для этого были заведены особые тетради, в которые мы выписывали из читаемых книг, а главным образом из журналов, понравившиеся нам вещи. У Брюсова давно уже был «роскошный» альбом с аляповатыми, исполненными в красках цветочками, голубками и прочими «пряностями», небрежно разбросанными по листам. Он когда-то казался нам изящным. Теперь были заведены простые, в клеенчатых переплетах, тетради, и мы, встречаясь, вынимали их — он из стола, я из бокового кармана мундира, — читали избранные вещи и произносили приговор. Редко наши вкусы совпадали, но иногда это случалось. Так, помню, как-то Брюсов извлек из своего стола рукописную тетрадку, в которой была переписана запрещенная тогда небольшая поэма Минского «Гефсиманская ночь»³⁴. Эта длинная, местами слабая и претенциозная вещь нам обоим неожиданно пришлось по вкусу. На ней мы проверяли свою молодую память на стихи: прочли ее три раза, а потом читали по очереди друг другу, поправляя один другого. Мы знали ее наизусть.

Еще недавно мы заслуживались музыкой шестистопных ямбов Надсона и чуть не плакали, грустно и напевно читая «Умерла моя муза». Теперь уж он нас не трогал. Явились новые поэты. Брюсов полюбил и часто читал мне Фофанова³⁵. Потом явились Мережковский, Сологуб, Гиппиус. Поэма Мережковского «Вера», так прочно нынче забытая, была одно время в центре нашего внимания, и мы декламировали друг другу длинные отрывки из нее³⁶.

Пользуясь по-прежнему шкафом Брюсова, я одно время жил под знаком Байрона, а затем В. Гюго, и в эти дни наши дороги сходились, мы находили бесконечные темы для суждений, но как только я начинал говорить о Тургеневе, а особенно об Островском, пьесы которого прекрасно играли тогда в Москве на Малом театре и у Корша, Брюсов становился угрюм и желчен и всячески осуждал мои увлечения.

Чтение чужих произведений и обсуждение их заканчивалось чтением собственных творений. Последовательно знакомясь с творчеством друга, я видел, как в нем зрел романтический поэт. Его внимание влекло все героическое. Помню наш бесконечный спор о «типичности». Брюсов определял ее как «исключительность». Позже он развил это в печати³⁷.

В (1891/92) учебном году у меня возникла идея организовать вне корпуса литературные беседы молодежи по образцу тех, которыми руководит Ц. П. Балталон. В основу была положена его брошюра о беседах. Я посвятил в эту затею Брюсова, он охотно пошел навстречу и предложил собираться у него. Гости приглашались им и мною. Из своих товарищей по корпусу я пригласил П. М. Пильского (позднее писателя и критика) и Воронова. Брюсов пригласил А. Ланга и ряд своих товарищей и знакомых, лиц и фамилий которых не сохранила моя память³⁸.

Первая беседа была посвящена тургеневскому «Накануне». Поставили эту тему, конечно, мы с Брюсовым, желая вынести наши противоречия на большую дискуссию. Споры были жарки и страстны. Без опытной руково-

ПРОГРАММА СПЕКТАКЛЯ
ПО ПЬЕСЕ БРЮСОВА «ПРОЗА»
Москва. Немецкий клуб, 30 ноября
1893 г.

В главной роли — автор
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, Москва

18 93.

ПРОГРАММА.

I.

Въ 1-й разъ новая пьеса:

ПРОЗА.

Оригинальная пьеса въ 1-мъ дѣйствіи, 3-хъ актовъ, Николая П. Брюсова.

Дѣйствующіи лица:

Викт. Аллоэ, Дарей, молодой поэтъ.	артистъ,
Наталья Пекъ, (Пекъ), его жена.	Людв. Раткевичъ
Петръ Пильский, его братъ.	С. Пильскій.

II.

ВЪ БЪГАХЪ.

Комедія въ 1-мъ дѣйствіи, С. О. Брюсова и П. П. Корсаковскаго.

Дѣйствующіи лица:

Наталья Владиміровна, Катерина.	М. Меркельманъ,
Наталья, его дочь.	Людв. Раткевичъ,
Петръ, Альф. Златовласъ, его другъ и сынъ.	Г. Углицкій,
Викт. Пильскій, Владиміръ, молодой поэтъ.	С. Пильскій,
Баронъ Александровичъ, его братъ.	Г. Углицкій,
Викт. Пильскій, Владиміръ, молодой поэтъ.	Людв. Раткевичъ,
Петръ Пильскій, его братъ.	С. Пильскій.

III.

Г. Пильскій, Одесскій баритонъ, исполнившій въ 1892 г. роль въ оперѣ «Танцы».

По окончаніи спектакля **ТАНЦЫ**
въ 3-хъ отдѣленіяхъ.

Начало спектакля въ 7½ час. вечера.

Режиссеръ — артистъ Г. Загорскій.

Нормальскій спектакль II въ 10 часовъ, 20 ноября, 30 г. Немецко-русскій клубъ.

На основаніи Высочайше утвержденнаго А. Мая 1892 г. закона о государственномъ Слѣдствіи по дѣлу о публичномъ показаніи сценъ въ драмѣ, Пьесы и оперы, Императорскія Маріи, общепубличнаго характера, безъ коихъ позволенія Императорскаго Слѣдствія.

Въступилъ редакторъ: П. П. Корсаковъ, редакторъ: П. П. Корсаковъ, редакторъ: П. П. Корсаковъ.

дащей руки, без председателя, то объединяясь вокруг чьего-либо яркого выступления, то распадаясь на отдельные спорящие группы, перескакивая с вопроса на вопрос, участники все дальше и дальше уходили от предмета спора. Для того, чтобы избежать этого, был выработан регламент. Затея понравилась участникам, и беседы повторялись через субботу.

Одним из самых ярых спорщиков был П. Пильский. Прекрасно знакомый с русской критической литературой, он умел вызвать спор и вовремя опрокинуть врага. В лице Брюсова он встретил сильного противника, стоящего на диаметрально противоположных, часто парадоксальных точках зрения, и литературная беседа нередко превращалась в турнир между этими двумя бойцами.

Беседы продолжались до весны и были прерваны разездом участников на летние каникулы. Осенью <1892> г. состоялось только одно собрание. Пришедшие по приглашению Брюсова, неизвестные мне московские «денди» внесли с улицы в дом атмосферу «жуткой зоны» и превратили собрание в кружок рассказывания извращенно-неприличных анекдотов. Это возмутило меня, и я вышел из-за стола. Некоторые последовали за мною, и больше мы не собирались.

Кто были эти «денди»? Нарождающиеся «московские Уайльды» или просто европеизированные московские купчики — не знаю, знаю только, что Брюсов вращался в их компании. Помнится, что они были «поливановцами».

Как-то раз я зашел к Брюсову вечером. Он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затасил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов присту-

пили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому белому листу, разложенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком.

Мягкий мрак и тишина кругом, в круге света, падающего из-под низко опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Просидев так около часу, они остановились.

Спириты хотели вовлечь и меня в их мистирию, но я отказался, и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение духа. Он начал покрывать очередной лист самыми отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я начал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнул руки товарищей: дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш, и исписанные листы были приобщены к толстой груде прежних откровений.

Мы возвращались по темной Москве. Брюсов упрекал меня в нетерпимости и неверии. Убеждал меня в том, что дух, а не он, ругал меня. В этом я ему наполовину поверил (их было двое) и обещал никогда более не искушать духа.

Насколько помню, эти общения с «духами», совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью «тайного знания», а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а «духами». Возможно, что они писались так, как я видел на памятном сеансе. Но каким образом «духи» лепили скульптуру для Ланга — это мне непонятно. Между тем, много лет спустя, в гостинной московского купца-мецената, странной комнате, полной разных декадентских монстров, я был поражен большой кучей гипса, выкрашенного под бронзу, из которой, с явной претензией на подражание Врубелю, высовывалась голова и конечности какого-то человекоподобного существа. Неизвестно, чему нужно было более удивляться — претенциозности или беспомощности автора. Оказалось, что это скульптура Ланга, вылепленная руками «духов».

Ланг выступил со стихами вместе с Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов» под псевдонимом «Миропольский», а затем выпустил под фамилией Березина книжку стихов «Одинокий труд».

Помню Брюсова того времени — длинного, тонкого, слегка сутулого, с резко черными и жесткими волосами бровей, усов и головы. Он носил маленькую бородку. Его движения и жесты были порывисты и угловаты. И по-прежнему он не умел смеяться. Думая, он имел привычку проводить рукою по лбу. Речь его была неясна, он сильно картавил и словно выбрасывал слова изо рта. Он был уже «начинающим автором». Его одноактная пьеса «Проза» шла в Немецком клубе 30 ноября 1893 г. В ней было два действующих лица: «он» и «она», причем «его» играл автор³⁹.

Любовь к парадоксам усилилась. Появилась своеобразная поза и манера говорить.

Помню еще один эпизод, рассказать который считаю не лишним.

Ц. П. Балталон задумал экспериментальную работу по эстетике и для проведения ее ставил психологические опыты. На ряде таблиц были наклеены белые геометрические фигуры четырехугольников, причем стороны некоторых из них были построены по отношению «золотого сечения», а другие произвольно. В числе фигур был ромб, при вырезании которого, несмотря на всю тщательность, была допущена ничтожная, незаметная для глаз ошибка.

Как-то я затащил Брюсова к Балталону, и последний произвел подробный опрос его по своей программе. Некоторые отметки об этом сохранились в работе Балталона, напечатанной в журнале «Вопросы философии и психологии», где показания Брюсова отмечены, как «показания» «поэта-символиста»⁴⁰. При этом опросе обнаружилась необычайная верность зрения Брюсова. Из сотен опрошенных только он и еще один человек указали на неточность ромба.

Новые литературные течения Запада, чуждые старшему поколению русских писателей, дошли, наконец, до нас. В «Русской мысли» появилась статья Н. К. Михайловского, новая редакция журнала «Северный вестник» открыла страницы для адептов новой школы⁴¹.

На столе у Брюсова дедушка Крылов наблюдал появление книжек Бодлера, Малларме, Верлена, Метерлинка и журнала «La Plume»⁴².

Брюсов был в восторге от творчества этих новаторов, и когда я приходил к нему, он читал мне французские стихи, восхищаясь смелостью, оригинальностью, мастерством и инструментальной стихов новых поэтов. Книжки Верлена «Romances sans paroles» и «Les Poètes maudits», «Emaux et camées» Т. Готье и «Les Fleurs du mal» Бодлера не сходили с его бюро.

Мое отношение к творчеству новаторов было двойственное. Внутренне я чувствовал силу нового поэтического «наваждения», но чудовищный произвол и эгоцентричность новых поэтов, их беспредельная жреческая гордость, были мне глубоко чужды и вызвали во мне враждебное чувство.

Как-то я спорил с Брюсовым о новых поэтах и противопоставлял им Гете с его «Фаустом». «Я понимаю это иначе», — сказал мне Брюсов и, когда я уходил, дал мне своего «Каракаллу»⁴³.

Весною 1894 года вышел первый выпуск «Русских символистов».

III

<1894—1906>

Осенью 1894 года я кончил Александровское военное училище, был произведен в офицеры и выпущен в 222 Лебединский резервный батальон, стоявший в Харькове. Резервные батальоны, недавно сформированные из гарнизонных местных команд, считались в то время местом ссылки кадровых офицеров, а потому мой выбор 222 резервного батальона после хорошо (по ученью) оконченного военного училища удивил мое начальство и сотоварщей.

Но я выбирал не часть, а стоянку — Харьков, университетский город. В глубине души я надеялся изменить свою судьбу, поступить на естественный факультет университета — по прослужении трех обязательных лет (за образование) в офицерских чинах либо каким-нибудь иным способом.

Это мне удалось в следующем же году. Мотивировав свою просьбу о разрешении учиться в университете желанием подготовить из себя военного натуралиста для экспедиций на восток (Пржевальского и его сподвижников), я получил от командующего войсками округа, знаменитого тогда Драгомирова, разрешение поступить вольнослушателем в университет.

Жизнь в глубоко гарнизонном батальоне, в среде необразованного и некультурного офицерства, была мне тяжела. Мы были чужды друг другу. Сойдясь с маленькой группой революционно настроенной офицерской молодежи, я стал упорно работать в учебной команде с солдатами. Постепенно я освоился и стал близок к солдатской среде и популярен среди офицерской молодежи батальона и воинских частей. В первые же месяцы произошло несколько столкновений с начальством, затем они превратились в явление хроническое. Помощник командира батальона звал меня за глаза «гражданином» и подозревал (как я узнал позднее)

меня в близости к подпольным революционным кругам. Он был прав; в это время я действительно <сошелся> с некоторыми харьковскими революционерами.

Первый год офицерства до поступления в университет (осенью 1895 г.) я все свободное время посвящал чтению книг, главным образом по философии, психологии и политической экономии. К этому времени относится и мое знакомство с К. Марксом, первый том «Капитала» которого я выиграл на пари у одного старика-революционера после того, как он произвел мне формальный экзамен по содержанию тома.

Здесь, в моей одинокой комнате, вспоминал я Москву, прошлую жизнь, столь не похожую на эту, и передо мной возникал образ старого друга, сутулящего спину над книгами новых поэтов. В моих ушах звучали напевы новых песен, слагаемых им, пряно-экзотических, красиво-произвольных и полных сладострастия. Всплывали ночные кошмары Москвы, гремящая разгулом и страстью «жуткая зона».

Мне становилась понятной струя яда, травящая (как мне казалось тогда) его творчество, вносящая в него (непозволимую с тогдашней моей точки зрения) остроту и разгул. Надо сознаться — и я был тогда отравлен им, меня втайне влекло к его пряным стихам, но я не мог согласиться с ним, не мог принять их, боролся с ними, называл их ненужными, враждебно-вредными. Что разрешали они? Они горячили и увлекали воображение, играли экзотикой образов, отвлекали мысль от задач, которые (для меня это было ясно!) стояли перед каждым мыслящим человеком.

Политический гнет и социальная неправда рисовали мне столь яркие картины и заслоняли стихи старого друга. Но Брюсов вошел в мою жизнь. Я был одинок, скучал по Москве и писал ему.

Мне досадно, что, задавшись целью написать воспоминания о Брюсове, я так много говорю о собственной персоне. Но, когда человек пишет воспоминания о другом, ему *поневоле* приходится говорить о себе. Едва ли я виноват, что вопреки своей воле занимал собою читателя.

Но теперь позвольте мне смолкнуть и передать слово Валерию Брюсову.

Пред вами пройдут <двадцать четыре письма> Брюсова ко мне с 21 ноября 1894 г. по <17 декабря 1908 г.>. За это время мы виделись лишь мельком во время моих краткосрочных отпусков в Москву.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ ⁴⁴

<Москва. 21—30 ноября. 1894 г.>
21.Н.94 = 21 ноября. Мск.

Amico mio! *

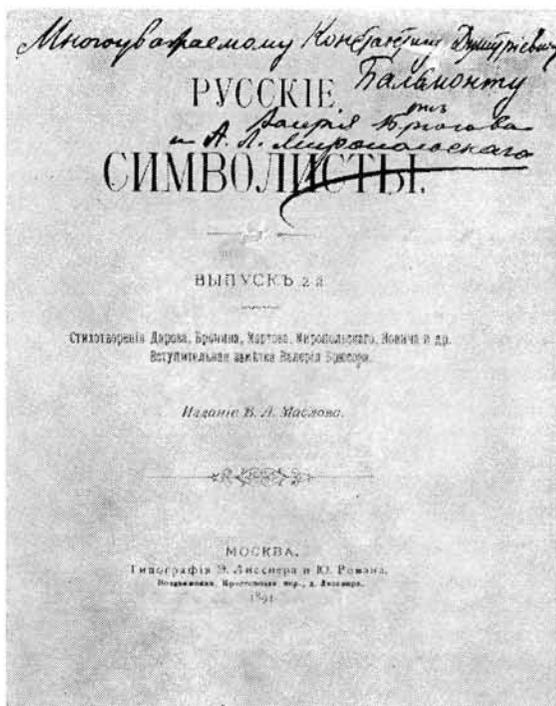
Ты догадался: в первом твоём письме не было адреса, и отвечать тебе я не мог. Я сделал, впрочем, попытку и послал тебе письмо с адресом: Харьков, офицеру 222 полка — поищи его (письмо) в вашей канцелярии. На днях я вышлю тебе 2-й выпуск «Русских символистов».

Выпуск этот много хуже первого, хотя гораздо более символичен. Своей вступительной заметкой я окончательно недоволен. Впрочем «Всемирная иллюстрация» опять поместила рецензию **. То же сделал и «Киевский листок». Кстати, не видал ли ты случайно этой рецензии, а то у нас в Москве ни одна библиотека не получает киевских газет. Затем меня посещают новые символисты и присылают мне новые свои произведения. Так, прислал мне свои стихи Лялечкин, поэт неизвестный ⁴⁶.

* Друг мой! (итал.).

** и «Неделя» — 30 ноября ⁴⁵ (вставка рукой Брюсова).

«РУССКИЕ СИМВОЛИСТЫ»
 Выпуск второй. М., 1894
 С дарственной надписью:
 «Многоуважаемому Константину
 Дмитриевичу Бальмонту
 от Валерия Брюсова
 и А. Л. Мировпольского»
 Обложка
 Институт мировой литературы
 им. А. М. Горького АН СССР,
 Москва

Познакомился я, кроме того, с Бальмонтом. Это оказался очень и очень милый человек. В первый же день знакомства мы пробродили с ним по улицам до 6 часов утра и после сего нередко проводили буквально целые ночи в беседах. Когда в будущем появится новая книга Бальмонта («Сказки луны и солнца»), советую с ней ознакомиться — там будут удивительные стихотворения (например, «Клеопатра» *, «Первая любовь»). В настоящее время Бальмонт издает переводы (стихотворные) из Эдгара По ⁴⁷.

Затем участвую в одном литературном обществе — «Кружок любителей западноевропейской литературы», читаю рефераты, спорю и под конец пьянствую вместе с «ядром» общества, т. е. тремя-четырьмя милыми юными поэтами и критиками ⁴⁸. Окончательно чтоб изобразить свою жизнь, — жду начала нашего судебного дела и присылки из цензуры моих «Романов без слов» ⁴⁹.

Пишу, конечно, массу. Написал роман ⁵⁰ и целый ряд «шедевров» т. е. стихотворений, которые войдут в мою будущую книгу «Les Chefs d'Oeuvre».

29.

Видишь, друг мой, как из добра выходит зло, — хотел я побольше написать тебе, а письмо и пролежало 8 дней. Я делаю успехи. Г-н Лялечкин (помнишь его стихотворение «Незабудки, васильки») прислал мне сочувственное письмо с предложением участвовать в «Русских символистах», а неизвестная мне девица сделала честь прислать мне свою фотографию.

Смотрел вчера «Васантасену», индусскую драму, переделанную немцем и окончательно погубленную русским переводчиком ⁵¹. Дело дошло

* Помню заключительную строфу:

Дочь надменного владыки Птоломея,
 Я тебе дарю мой стих,
 Потому что ты, камея,

И в любви и в самой смерти не похожа на других
 (примеч. Брюсова).

до того, что герой говорит: «Это так же верно, как дважды два четыре». «Сомнения» в этой стихотворной драме всегда «мучительные», «грезы» — «молодые» или «золотые» — ну, поэзия!

Читал ли ты когда книгу Иова? О! Это удивительное сочетание — простоты истинно «библейской» и вдруг такого изящества, такой изысканности эпитетов и красок, какую не найдешь и у Готье!

«Я уподобился исполину в пустыне и стал, как филин на развалинах. Пустынная птица, сижу я на кровле. Дни мои, что уклоняющаяся тень».

Это, впрочем, из псалмов Давида.

Не хочу мучить тебя своими стихами, но без стихов обойтись не могу. Слушай стихи из Бодлера (книга издана вчера, переводчик — один несчастный, который не мог выставить своего имени, предисловие написано Бальмонтом) ⁵².

С ужасной еврейкой, прекрасной, как мертвый
Изваянный мрамор, провел я всю ночь,
Как труп возле трупа простертый.
Порока продажную дочь

Тогда я представил в величьи природном:
С печатью ума на челе благородном
Под шлемом душистым тяжелых волос,
Со взором, сияющим грацией нежной
И зорями дремлющих гроз.

О как бы тогда я со страстью мятежной
Любить тебя, сердце отзывное, мог!
От свежих твоих нежно розовых ног
До пышно раскинутых кос твоих черных
Какой бы огонь поцелуев разлил.

Какие б сокровища ласк расточил
Живых, непритворных,
Когда бы вечерней порою подчас
Затмился твой образ беспечный
Слезой, без усилья добытой из глаз.

Но ты, о царица толпы бессердечной,
Так плакала ль в жизни хоть раз!

30-го ноября, утро.

Спешу закончить, но приведу еще несколько строк из Бодлера. Слушай:

Друг правды, мира и людей,
Восторгов трезвых и печалей,
Брось эту книгу сатурналий,
Бесчинных оргий и скорбей
.....
Ты не поймешь ни слова в ней
.....
Но если ум твой в безднах бродит,
Ища обетованный рай,
Скорбит, зовет и не находит,—
Тогда!.. о друг! тогда читай!..

Дивно?

В Германии появился удивительный поэт Франц Эверс. Человек еще очень молодой — 23 лет, — появившись в печати впервые в 91 году, он

уже написал книгу 10! Все эти книги (некоторые до 300 страниц in quarto) полны шедеврами. Это гений, которого уже давно не видал мир! Его лирика выше, лучше и Шиллера, и Гете, и Гейне, и Ленау, его драма — если и ниже Шекспира, <то> выше Альфиери и Шиллера. А его книга псалмов («Die Psalmen»), современных псалмов! предвещаний пророка и пророчеств поэта! Нет места говорить о нем, но особенно восхищен я его любовной лирикой (книга «Eva»).

P. S. Нам удалось вступить с ним в переписку. Содержание одной его баллады: «Царь (в Индии) был столь добродетелен, что бог пожелал наградить его и послал его душу в тело бедняка-поэта, гонимого всеми». Из предисловий Эверса:

Ich will nicht von euch wissen
ihr, überklugen Geister,
ich kann <euch> alle missen,
ich bin mein eigner Meister.
Und wenn <ihr> nach Schablonen
mich hundertmal erklärt —
Kein Gegenwort soll's lohnen
ich bin mir selber wert.*

Конечно, это не образец — ибо Эверс бесконечно разнообразен — он пишет философские произведения, романы, стихи etc., etc. Главное, чем приведенный отрывок не соответствует типу произведений Эверса, это то, что другие его вещи дивно образны, а этот — рассуждение⁵³.

Друг мой, надеюсь, мы не будем считаться письмами. Пиши мне, не дожидаясь моего письма. Я тоже буду писать, когда будет время и охота, не стараясь сообразоваться непременно с ответом.

Все сие следовало бы переписать, но боюсь еще задержать письмо. Следующие будут аккуратнее, а может быть акуратнее — не помню.

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ВТОРОЕ

95 г. Москва, 5 янв.

Мой друг!

Только что прочитал «Римскую легенду» Величко («Книжки Недели», № 10) и возмущен до дна души и даже глубже. И этот человек смеет называться поэтом! Да у него ни одного поэтического стиха, ни одного образа, ни одной рифмы на месте⁵⁴!

Друг мой, я знаю, что пишу мало, впрочем, и от тебя давно жду письма. Напиши, наконец, мнение о втором выпуске! Читал ли «Вестник Европы», статью Соловьева о нем (1895. № 1)? — Боже мой, он так уничтожил нас, что и ключев не осталось⁵⁵. Может быть, я опять пишу по неверному адресу? Отвечай — я немедленно пошлю тебе мои «Романсы без слов».

Жизнь веду смутную, совсем как подобает поэту, но надоела она мне страшно, и я думаю эдак на месяц запереться в своей комнате.

Друг мой, думал ли ты когда, что *слово* очень несовершенный материал для искусства? — Скульптор счастливее поэта — у него мрамор. Строго говоря, может существовать только лирика, ибо больше того, что поэт имеет в душе передать он не может.

* Я не хочу вас слушать, // О вы — синклит ученых! // Я все готов нарушить! // Во мне — мои законы! // Крой по трафарету // Устав моим стихам, // Как чужды вы поэту! // Себя я знаю сам! (Перевод Брюсова — ГБЛ. 14. 5/1, л. 48 об. — 49).

Моя любовь — палящий поядень Явы,
Как сон, разлит смертельный аромат;
Там ящеры, свернувшись, лежат
Здесь по скалам сплетаются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы?
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует все, все выдыхает яд.

Идем! Я здесь! Мы будем наслаждаться:
Сплетем венки, пройдем весь мир аллея,
Найдем приют на ложе орхидей.

День проскользнет. Глаза твои смежатся,
И саваном медлительных лиан
Я оплету твой неподвижный стан ⁵⁶.

Не правда ли, какой успех даже в сравнении с первым выпуском? А если бы ты знал мои четыре поэмы! ⁵⁷ Когда кончу «Les Chefs d'Oeuvre» (нужно *les* или нет?) — буду писать эпос или драму... Прости, что пишу только о себе и о поэзии, но давно не получал от тебя письма. Нашел одного дельного человека — некоего Фриче — будущий великий критик ⁵⁸! Что касается Ланга, он мне опротивел — право — т. е. не как человек, но в больших дозах. Он ушел от отца, жил отдельно, а теперь опять возвращается — черт знает что такое! А не правда ли и любовь это нечто «черт знает что»? Изучаешь ли ты английский язык?

Кажется, я писал тебе еще до воцарения Николая II. Замечательно патристично настроена теперь публика. На журнал, где в приложениях нет портрета государя, и не подписываются. Послал Верлену «Р<омансы без> с<лов>» с письмом; жду ответа ⁵⁹. И от тебя, конечно, жду ответа. Знаешь ли ты стихотворение Надсона

Уронивши ресницы на пламенный взор

(1881 г., посмертное издание 7-е, стр. 161). — Н<адсон> был лучшим поэтом. У Некрасова также есть чудные страницы ⁶⁰.

Вражда есть ложь, раздор — дитя обмана! ⁶¹

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

(Москва.) 12.4.95.

Друг мой!

В моем словаре нет слов, чтобы достаточно извиниться перед тобой за мое безбожное молчание. Надвигающиеся экзамены погрузили меня и на этот раз в ежечасную работу, так что и теперь я принужден ограничиться этой запиской. Может быть, я слишком высоко понимаю значение письма, — буду утешаться хоть этим. Чуть только экзамены кончатся или чуть только я провалюсь на одном из них, как тотчас постараюсь загладить свою вину. Надеюсь, ты меня не оставишь своими письмами и по крайней мере сообщишь адрес, если его переменишь.

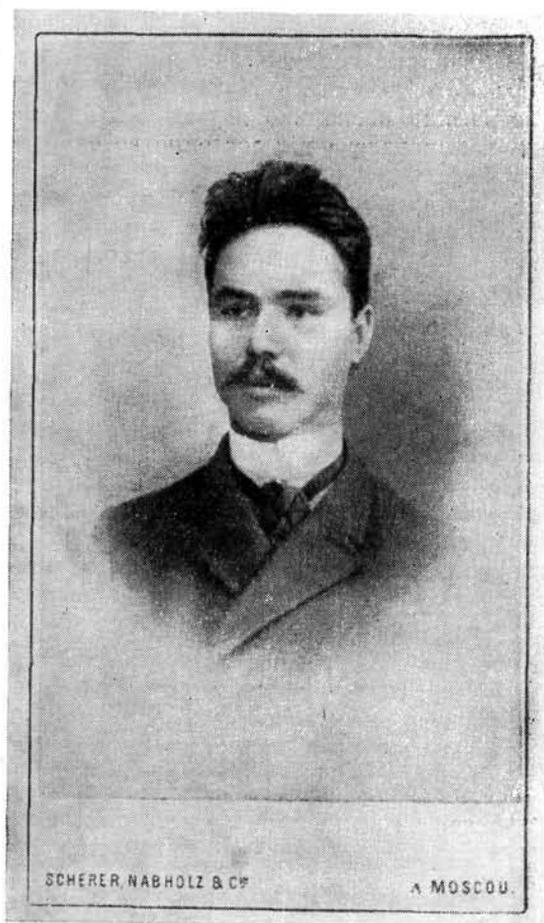
Твой Валерий Брюсов

БРЮСОВ

Фотография Шерера и Набгольца,
Москва, 1893

Приложена к прошению Брюсова
о приеме в Московский университет.

Центральный архив литературы
и искусства СССР, Москва

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

23 июня 95. Хорошово.

Друг мой!

Свинство есть, но не обоюдное, а исключительно лежащее на моей стороне; ты уже не раз писал мне, я же молчал, как покойник. Объяснять свое поведение или оправдываться было бы долго. Не стоит также описывать своей жизни — хорошего мало, да и скучно. Лучше — в море (винительный падеж) общих вопросов!

«Пишу очень мало, твердо веруя, что надо выработать всестороннее мировоззрение, чтобы...» Фраза твоя соединена иначе, но смысл таков⁶². Хорошо, друг, у кого есть терпение выработать всестороннее мировоззрение, а потом явиться перед людьми во всеоружии, как Минерва из головы Дия, а если душа не ждет, если *выдумываешь* себе нечто, чтобы только иметь подобие борьбы и хотя каких-нибудь противников? Кто говорит, хорошая вещь — мировоззрение, но когда оно выработается, — если пока вместо него еще хаос неустроенный? Где тот бог, который речет «да будет свет»? Что делать, приходится жить в этом самом хаосе. Иной раз в философских спорах происходят такие события: с одной стороны держишься таких-то мнений, а зайдешь с другой стороны, из моих же собственных убеждений вытекает нечто совсем иное. Эх! оставим все на волю Вольного Призрака Времени (из-за чего так написал? Из-за сочетания «волю-вóль»...).

Новых символистских книг не появилось. Есть у меня две тетрадки, разрешенные цензурой, но нет денег на их издание⁶³. Уповаю, однако, прислать тебе к осени «Chefs d'Oeuvre»; шедевров ты там не найдешь, но встретишь несколько достаточно оригинальных (во всех смыслах этого слова) произведений; достоинство одно несомненное: они чужды рутине и по идее и по форме.

Стихами мучить тебя не буду, а вот по поводу «периодической печати», т. е. наших толстых, тонких и тощих журналов. По большей части они — безнадежное убожество, но есть исключения. Таковы страницы Мережковского. О «Леде», о «Проклятой луне», о «Леонардо да Винчи» можно спорить, но «Отверженный» выше всяких похвал. Такого произведения русская литература не видала уже много, много лет. Его хвалят, но я предпочел бы обычное тупоумие публики и критики этим предательским похвалам, которые сравнивают «Отверженного» — excusez du grand* — с Эберсом. Смешно и грустно. Эберс романист, о котором завтра забудут. «Отверженный» — роман, созданный для вечности. Говорят, есть у Ибсена трагедия на ту же тему, но я ее не читал.⁶⁴

Затем о твоих занятиях. К политической экономии у меня душа не лежит, и Бокля, — увы — я не читал, хотя есть собственный⁶⁵. Но меня интересует, коснулось ли твое изучение близкой моей душе философии. Судя по твоим взглядам, боюсь, что ты ее обошел, хотя за именем Бокля я и разглядел какие-то зачеркнутые намеки на Канта. Скажу тебе, что в сем философе я совершенно разочаровался. Во-первых, он вовсе не так глубок, как это кажется с первого чтения, а во-вторых, все «открытое» им было уже раньше известно из творений Спинозы и особенно Локка⁶⁶. Изучаешь ли ты английский язык? О! сколько горького в том, что я его не знаю. Только недавно понял я, что все великое, что тревожит Европу, совершенно самостоятельно вырабатывается в Англии и притом обыкновенно на несколько десятилетий раньше. А я, несчастный, сижу и изучаю «турецко-татарскую грамматику». Это называется быть сумасшедшим.

Прощай.

Твой Валерий Брюсов

P. S. Адрес мой — московский, ибо в Хорошове нет почты. Жду письма и постараюсь написать сам поскорее. Экзамены прошли хорошо, и я избрал классическое отделение⁶⁷.

Бессвязность письма прости.

В.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

⟨Москва.⟩ 25.VIII.95

Друг мой!

Где ты? Что ты? отзовись! Я послал тебе летом письмо, но ответа не получал. Послал бы свой сборник стихов, да боюсь — адрес не точен. Жду.

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

⟨Москва.⟩ 17-го сент 95.
Именины Надеи, Вер etc.

Друг мой!

Не ответил тебе сразу потому, что был расстроен душевно и, следовательно, заполнил бы письмо стонами и неинтересными восклицаниями.

*простите великодушно (франц.).

Вышли мои «Шедевры» *. Эффект их появления был весьма значительным, но и весьма печальным. Против меня восстали все, даже и те, которые убедительно торопили меня напечатать эту мою книжку. Бесконечно возмутило всех предисловие. Сознаюсь, я там пересоллил немного, но ведь надо стать в положение человека, которого полтора года безустанно ругали во всех журналах и газетках. Как бы то ни было, вознегодовали все, и некто г. Коган заявил даже, что напечатать я свое предисловие раньше — он не счел бы возможным вступить со мной в знакомство ⁶⁸. Произошла, конечно, грустная сцена. Остались на моей стороне: Ланг (по глупости своей), Курсинский (поэт, подражающий мне) и Фриче (умный господин, понимающий, что сущность не в предисловиях). Однако негодование приняло такие размеры, что когда недавно в университете я стал читать Аристофана, аудитория недовольно зашипела и до меня долетело слово «декадент». Газеты, как тебе, может быть, известно, встретили мою книгу точно так же. Конечно, я могу утешаться тем, что пока все это бездоказательная брань, к тому же самых моих стихов не касающаяся, но все же переживать все это и бороться со всем этим не слишком приятно ⁶⁹.

Поступил я, друг мой, на классическое отделение своего факультета и теперь погружен с головой в греческий язык, латинский и санскрит. Можно ли было это думать в те дни, когда Фолькман лепил мне двойки!

Добролюбов, о котором в былые годы ты слышал от меня, выпустил сборник своих стихов ⁷⁰. Тебе они покажутся ерундой, а я их ценю высоко. Признания со стороны публики Добролюбову придется дожидаться долго!

Если ты читаешь журналы, то, вероятно, ознакомился с «Отверженным» Мережковского. Напиши свое мнение; меня оно интересует, потому что я считаю этот роман великим явлением современной литературы.

Ознакомился я недавно с сочинениями гр. Толстого «В чем моя вера» и «Царство божие внутри вас» (Курсинский живет у графа как репетитор его сыновей) ⁷¹. Признаюсь, я сильно переменял мнение о Толстом, составленное на основании его напечатанных философствований (например, «О жизни») и популярных разборов. Некоторые места восхищали меня, между прочим, как филолога. Впрочем, мирозерцание мое как раз противоположно идеям Толстого, так что все восхищения мои чисто платонические. Реальный вывод из них лишь тот, что я стал с большим уважением относиться к последователям гр. Толстого, которых прежде чуть-чуть не осмеивал.

Изучаю английский язык и пишу полемическую брошюрку ⁷². Засим до свидания... надеюсь, еще в письме.

«Chefs d'Oeuvre» и «Русских символистов» № 3 посылаю тебе, но простой бандеролью, так что если долго не будешь их получать, извести.

Твой преследуемый символист Валерий Брюсов

В (конце сентября 1895 г.) я получил от Брюсова его новую книгу «Chefs d'Oeuvre». На меня — «естественника» и революционно настроенного человека само название этой книги, посвященной «вечности и искусству», и ее содержание, полное крайнего своеволия, произвели отталкивающее впечатление.

Я ответил негодующим письмом, в котором не жалел слов осуждения и сгоряча назвал некоторые стихотворения «набором слов».

Это оскорбило Брюсова.

* См. конец письма (примеч. Брюсова).

ПИСЬМО <СЕДЬМОЕ> ⁷³

(Москва. Начало октября 1895 г.)

Что я безгранично люблю,
То вы ненавидите страстно.К. Феофанов ⁷⁴

Друг мой! Друг мой!

Как мы с тобой далеки! Давно-давно, чуть не десять лет тому назад, я вписал в свою детскую тетрадь (знаешь, с изящными виньетками?) стихотворение, посвященное тебе. Там были такие строки:

И вечно помнить буду я
Журнал «Начало» и стихи,
И нашу дружбу, и тебя.
Быть может, в жизненном пути
Мы снова встретимся с тобой,
И, вспомнив прежние мечты,
В борьбу пойдем рука с рукой. ⁷⁵

Мне было очень совестно, когда ты случайно прочел эти стихи, но писались они вполне искренно. Увы! теперь я готов бояться, что мы, если и встретимся когда-либо «в» жизненном пути, то не для того, чтобы подать друг другу руки, а как враги, как борцы разных лагерей.

Ах, друг мой! Мне не трудно было бы спорить с твоими обвинениями. Можно ли сказать «брызги янтаря» (то есть янтарного цвета) или нет, образно ли выражение «кольцо фонарей» — все это вопросы сильно спорные ⁷⁶. Но дело не в них. Важно то, что ты совершенно чужд той поэзии, к которой я стремлюсь. Ты не заметил того, чем я горжусь в «Chefs d'Oeuvre». Ты прошел мимо тех стихотворений, в которых когда-то была вся моя душа. Я принужден сейчас хвалить сам себя; положим, мне это не ново, но все же я не говорю, что мои произведения — идеалы. Можно и должно писать лучше, — однако, сказать, что в них один сумбур и набор слов! — это я могу простить только критикам из «Звезды» ⁷⁷. В тебе «не возбуждает ни мысли, ни чувства» — «На журчащий Годавери», а я не знаю, смогу ли я написать что лучше. Ты говоришь, что моя книжка «какие-то обрывки мысли, связанные между собой лишь любовным приключением» — но, друг мой! первые две поэмы и «Три свидания» — вот все, где я говорю о своей любви. Возьми почти все «Криптомерии» — это мотивы Леконта де Лиля и д'ЭрEDIA, которых никто не назовет эротическими поэтами; возьми все «Méditations», где я совершенно «не знаю стихов о любви». Ты ищешь связи — эти же самые «Méditations» составляют связный рассказ о жизни моей души. Нет, друг мой! Я положительно не понимаю, как при самой противоположной мне точке зрения, ты усмотрел в моей книге лишь «набор слов». Это могут написать рецензенты, желающие во что бы то ни стало разругать дерзкого, но беспристрастный читатель должен понять, что книжка продумана и прочувствована. Единственное предположение, которое я делаю, — это то, что твои слова тебе подсказала ненависть к символизму (хотя на мой взгляд его нет в ChdO). Ты так далек от красоты настроений, образов, слов, от этой — если хочешь — бесполозной, беспечельной красоты, что произносишь несправедливые обвинения. Набор слов! То, чем я жил целый год, — только «набор слов»! Одного не понимаю, что же иное ты нашел у Бодлера и Верлена? Знаком ли ты с поэмами Эдгара По? Если его произведения ты не считаешь «набором слов», то за что же осуждать «Снега», единственный недостаток которых — подчиненность мотивам По? Или ты меня, или я тебя, но друг друга мы не понимаем. Медлить «на этом пепелище» я не хочу и не могу и уж, конечно, не примусь за что-нибудь «существенное».

До свидания (в письме).

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО <ВОСЬМОЕ>

<Москва.> 29-го октября 95.

Прилагаемое письмо ⁷⁸ было написано почти тотчас после того, как я получил твое, но долго я не решался послать его — вот почему произошла новая пауза в нашей переписке. Если можешь, не подражай мне, а пиши поскорее.

Твой В. Б.

ПИСЬМО <ДЕВЯТОЕ>

<Москва.> 3-го июня 96.

Друг мой!

Опять должен извиняться в долгом молчании. Причины следующие. После твоего отъезда я совсем расхворался, дошло до того, что домашние начали меня оплакивать. Однако счастье российской поэзии оказалось неизменным: я воскрес.

Я вернулся на яркую землю;
Среди лиц я туманно брожу,
И шумящему говору внемлю,
И в горящие взоры гляжу ⁷⁹.
Но... etc.

(Догадываешься, что за «но»).

Потом я уезжал из Москвы, жил в Петербурге, ездил по Балтийскому морю, осматривал Ревель, Ригу и, наконец, проведя неделю в Варшаве, вернулся ⁸⁰.

Мерный шум колес...
Поле, ряд берез...
Много мутных грез...
Мчимся, мчимся, мчимся...
Мерный шум и шум...
Свод небес угрюм...
Много мутных дум...
Дальше, дальше, дальше...

В Москве жил с месяц; пытался тебе писать, но все как-то не выходило и начатые письма бросались под стол. Теперь я вновь пускаюсь в путь и проездом думаю быть в Харькове. Если ты еще здесь, мы могли бы увидеться. Выезжаю я в воскресенье — вероятно, с поездом в 6.45 вечера и в Харькове буду в понедельник. Если по расчету письмо еще может поймать меня, — напиши, но я во всяком случае остановлюсь в Харькове и пойду тебя разыскивать.

Твой Валерий Брюсов

ПИСЬМО <ДЕСЯТОЕ>

Харьков. <10 июня 1896 г.> ⁸¹

Друг мой!

Прошу у тебя тысячу раз прощения. Совершенно случайно мне пришлось ехать не одному ⁸², и я не мог сойти здесь. Посмотрел на Харьковский вокзал и — поехал дальше. С Кавказа напишу (ибо я еду через Севастополь на Минеральные воды).

Твой Вал. Бр.

ПИСЬМО <ОДИННАДЦАТОЕ>

<Пятигорск.> 22 июня 1896 г.

Друг мой!

Еще раз прошу извинения, если мне пришлось обмануть тебя.

Живу я теперь в городе, прославленном Лермонтовым, занимаюсь починкою своего здоровья и до сих пор продолжаю изумленно поглядывать на те холмики, которые носят громкие прозвания Машук и Бештау. Вообще во время своего маленького путешествия (я ехал через Симферополь и Новороссийск) я достаточно разочаровался в природе.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды...

Я смотрел и напрасно искал в себе восхищения. Самый второстепенный художник, если б ему дали, вместо красок и холста, настоящие камни, воду, зелень, — создал бы в десять раз величественнее и очаровательнее ⁸³. Впрочем, думаю я еще съездить к Казбеку и Эльборусу, может, там что есть. Эльборус виден отсюда, но только в самые светлые дни — в обычную же погоду на его месте просто синее небо; как-то странно даже.

Занят я здесь писанием предисловия к «Истории русской лирики», где намерен изложить свои взгляды на поэзию и символизм ⁸⁴; надеюсь, после этого предисловия все должны будут признать хотя то, что это один из вполне возможных взглядов — теория вполне последовательная и определенная:

1) Поэзия и беллетристика — две совершенно различные области.

2) Природа для поэзии — только модель, и потому поэзия должна быть как можно более чуждой жизни.

3-а) Цель поэзии — давать «эстетическое наслаждение».

3-б) Эстетическое наслаждение состоит в бесчисленном ряде настроений, которые могут быть вызваны только поэзией (*не жизнью*).

Итак, чтение поэтических произведений вызывает ряд совершенно новых ощущений, ряд чисто поэтических настроений, которые иначе испытаны быть не могут. Достигается это примирением идей, которые раньше были чуждыми друг другу. Жизнь и природа дают материал для этих идей (их можно назвать «образами», но не в школьном смысле).

Беллетристика, наоборот, есть изображение жизни и дает удовольствие как и всякое созерцание действительности. Обыкновенно до сих пор поэзия и беллетристика были смешаны. Символизм стремится очистить поэзию от этой примеси, дать *чистую поэзию*.

Вот тезисы, которые, конечно, будут развиты; главное, будут точно определены термины «идея», «настроение» etc., потому что они употреблены здесь совершенно в особом значении.

Если не пожимаешь плечами на эту теорию, напиши критику на нее; буду очень рад.

Твой Валерий Брюсов

Пятигорск. Теплосерная, д. Савельева.

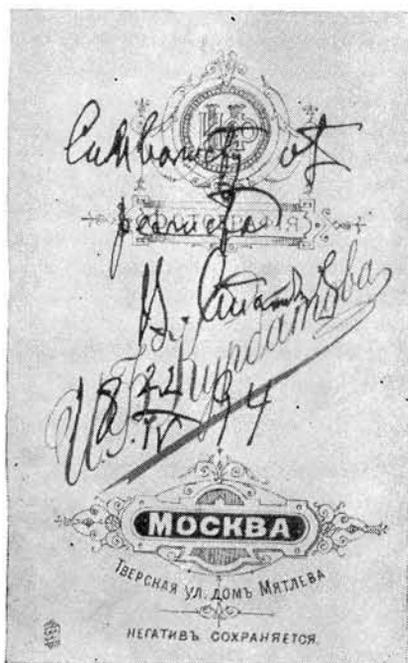
Последовал частый обмен письмами. Три письма Брюсова того времени у меня сохранились.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

17 июля 1896 г.

(Адрес до 1-го августа) Пятигорск, Теплосерная ул., д. Савельева.

Твое письмо, мой друг, я получил еще с неделю, и если не отвечал долго, то все по старой причине: никак не найдем мы прочной опоры для на-

В. К. СТАНЮКОВИЧ

Фотография И. Курбатова. Москва, 1894

На обороте дарственная надпись: «Символисту от реалиста. В. Станюкович. 18 $\frac{22}{IV}$ 94»

Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

шей переписки ⁸⁵. Почему это? Я знаю одного человека, с которым мы расходимся во взглядах, пожалуй, больше чем с тобой, с которым мы не можем и встретиться без того, чтобы не спорить до озлобления и «горьких» слов, — а между тем проходит урочное время и мы опять ищем друг друга. С тобой же мы все-таки больше, чем просто «знакомые», а встретившись, не знаем, что говорить, и, разойдясь, пишем один другому чуть не по обязанности. Или это именно потому, что когда-то наши взгляды были слишком близки? Я не говорю о том времени, когда мы вместе читали Надсона и дрожали от восхищения, или о тех днях, когда ты читал мне Тургенева, а я тебе Мережковского и Фофанова, — но ведь уже в 90-х годах мы умели наполнять целые вечера беседами, спорами и совосклицаниями, — и все было ясно и просто. Неужели полтора года, те полтора, которые мы потом почему-то не видались, могли вдруг поставить нас на двух краях пропасти? Да, полтора года. Их ты продолжал идти прежним намеченным путем, а я за эти полтора года странно и круто повернул в другую сторону. Впрочем, я напрасно говорю «странно» — для меня то были роковые дни. Ты знаешь сам, что, расставшись с девочкой, часто встречаешь ее взрослой девушкой, хочешь назвать ее прежним полуименем и не смеешь протянуть руки. Душа наша тоже женщина; ей тоже довольно немногих месяцев, чтобы понять себя и стать собою. Между тем ты, встретившись со мной, не хотел мне верить. Ты недоверчиво посмотрел на меня и с тех пор затаил по отношению ко мне какую-то полунасмешку. Поразмысли, можно ли, относясь к человеку серьезно, предлагать ему, в виде дружеского совета, переменить свои убеждения. С другой стороны, скажи, — пока остается между нами эта тень сомнения, возможен ли спор, мыслима ли

дпростая беседа? Мы потеряли единственное звено, способное соединять человеческие души: взаимное доверие.

Еще одно слово. Ты все хочешь считать меня таким, каким я был пять лет тому назад. Но что проще той истины, что каждый идет вперед, изменяется. Подумай об этом.

В частности, на твое письмо я не отвечаю. Возражения твои мне не совсем ясны, и я думаю, ты писал их очень наскоро. Впрочем, и моя формулировка положений сделана тоже наскоро, прямо в письме — так что эти вопросы отложим.

Что касается до «Столпотворения», то я не понимаю, как можно, не говоря хвалить, но читать произведение, написанное столь плохими стихами⁸⁶. Первое условие всякой поэтической вещи, чтобы она была певуча и гармонична; без этого она для меня не существует.

Твой, как прежде, Валерий Брюсов

P. S. Посылаю тебе маленькое profession de foi*.

ЮНОМУ ПОЭТУ

(посв. А. Б-скому)⁸⁷

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый из них — не живи настоящим;
Только грядущее область поэта.

Дальше второй — не люби, не сочувствуй,
Сам лишь себя обожай беспредельно.
Третий завет — поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Юноша бледный со взором смущенным,
Если ты применишь мои три завета,
Гордо умру я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

В. Б.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

28 июля 1896 г.

Пятигорск. Теплосерная ул., д. Савельева

A. S. Прости, что пишу на такой смешной бумаге: воскресенье — и лавки закрыты.

Судя по твоему ответу, друг мой, я написал тебе довольно горькое письмо⁸⁸. Сегодня я, наоборот, холоден и постараюсь исправить всякие прошлые крайности и самообманы.

Ты пишешь, что я когда-то сам относился иронически к предисловию «Chefs d'Оeuvre». Очень может <быть> — даже наверное — это было, но вот это-то и было болезненной крайностью и самообманом. Последний год, который я прожил, — 95/96, — был чуть ли не самым жалким годом моей жизни. Дело вот в чем. Надо мной и моей поэзией глумились очень достаточно, и за «Русских символистов», но я все время чувствовал себя так, как будто я сам по себе, а «Валерий Брюсов», русский символист — сам по себе; один другого не касался. Только с появлением моего Первого Издания, и притом — вдруг, почувствовал я себя в самом деле отверженным (maudit); если бы ты знал, сколько мне пришлось тогда перенести! — вплоть до холодного прикосновения рукой к шляпе того, кому я хотел по

* символ веры (франц.).

старой памяти броситься на шею ⁸⁹. Я был до такой степени унижен, забит, загнан, — что потерял всякую веру в себя, стыдился своих стихов и, прочтя Бальмонта, сказал *сам себе* «да! вот поэзия!» Потом, немного оправившись, я решился по крайней мере не показывать другим своего состояния, придумывал разные компромиссы, извращал смысл собственных слов etc., — в этом-то состоянии ты и застал меня. Тогда я мог иронически относиться к ChdO. А затем — затем, как тебе известно, я расхворался, чуть не умер (очень серьезно) и постепенно «нашел себя», как говорят французы.

Я вовсе не выдумываю, «нечто, чтобы иметь подобие борьбы». Это только *было* когда-то. Я очень ясно знаю, чего я хочу и к чему стремлюсь. Как-то, не слишком давно, в дни отчаянья, когда я помышлял о ядах, револьверах и «расступающихся» волнах, — написал я «Последние слова».

.....
 О горько умирать, не кончив, что хотел,
 Едва найдя свой путь к восторгам идеала

 Так много думано, исполнено так мало! ⁹⁰

Я нисколько не хочу превозносить ChdO. Книга, о которой я говорил в предисловии к первому изданию («в будущем я напишу гораздо более значительные вещи»), уже написана ⁹¹. Я не хочу превозносить ChdO, — знаю, что с точки зрения «искусства и вечности» это очень ничтожное произведение, но я знаю также, что там я достиг, к чему стремился. Пусть цель была ошибочна, но большего нельзя требовать ни от кого, и таким успехом не смеют похвастаться ни Минский, ни Мережковский, ни кто другой из современных поэтов. Я не уступаю ни одного слова из моего предисловия: «Завещаю эту книгу вечности». Но верно понять и оценить ChdO можно будет только в том случае, если я напишу все мои книги; в связи с ними у ChdO будет свое место, свое значение и свое величие.

Довольно, наконец. Вот уже третье письмо я говорю только о себе. Нельзя ли нам перескользнуть на общие вопросы?

Скажи мне — для вступления, — откуда должен человек почерпнуть желание «служить жизни» — не из своей ли души? Если же у меня нет ни малейшего желания служить жизни, если я интересуюсь только собой и «обожаю» лишь сам себя, что принудит меня поступать иначе? С какой стати не стану я наслаждаться Верленом, Фезенсаком (?), Эдг. По — из-за того только, что я «обеспечен», как ты пишешь? Я буду читать поэтов, буду писать стихи и не стану думать ни о науке, ни о жизни, пока не найду их в своей душе. Разве это не «естественно»?

Твой Валерий Брюсов

P. S. На возвратном пути постараюсь воспользоваться твоим приглашением, и тогда мы много поспорим о «элементарных истинах».

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Кисловодск. 25 августа 1896 г.

Мой друг —

В среду, 28 августа, покидаю я Кисловодск и вообще Кавказ. Придется мне заехать в Армавир и пробыть там дня два. Хотелось бы мне повидаться с тобой, что я мог бы исполнить 31, или 1-го, а может и 2-го сентября. Не знаю, удобно ли это тебе, может быть, ты уже занят зимними занятиями. И где отыскать тебя — по старому адресу или ты изменил его?

Мой адрес до 30-го таков: по Владикавказской железной дороге, станция Армавир, дом Карпа Муратова, акушерке Зое Александровне Бакулиной, для Валерия Брюсова.

Сей последний «желает тебе всего хорошего».

В. Б.

Из письма тринадцатого от 28 июля 1896 г., только что приведенного, можно установить, о чем я писал Брюсову. Я говорил ему о своей борьбе, борьбе человека, у которого есть только голова и руки, с реальными врагами. Перед этой схваткой его кабинетная борьба казалась мне выдуманной «обеспеченного» человека, выдумывающего «нечто, чтобы иметь подобие борьбы»; звал его к «служению жизни» реальной. Это служение я находил «естественным», а учение, проповедуемое мною, — «элементарной истиной».

Новое, вполне откровенное «profession de foi» в форме стихотворения «Юному поэту», которое Брюсов, вероятно, не без намерения поддразнить, прислал мне (при письме 12-м), возмутило меня. Оно и вызвало мое письмо. Брюсов принял его неожиданно мягко.

Переписка наша оборвалась. Я молчал и шел своею дорогой.

Когда вышла книга «Me eum esse», Брюсов вспомнил обо мне.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

⟨Москва.⟩ 5 марта 97.

«Целые месяцы мое проклятое молчание тяготит меня, как кошмар, оно меня душит, давит. Разогнать чары я не в силах. Я — аполог, притча, изображающая, как всякий проступок в самом себе уже заключает наказание».

Это отрывок из письма Тютчева (2-го мая 1836 г.)⁹². Выразить лучше свое настроение я не сумею. Прости меня и напиши мне твой новый адрес: мне давно хочется послать тебе мою последнюю книгу.

Твой Валерий Брюсов

Весною 1897 г. я был в Москве, а Брюсов собирался поселиться на даче под Чугуевым, в Кочетке, неподалеку от которого я стоял в лагере. Мы оба были рады встретиться, но этого не случилось.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

11 июня ⟨18⟩97 г., Аахен

Друг мой! Я в Чугуев, видимо, не попаду, так как скитаюсь «по границам». Более подробное письмо — из Брюсселя⁹³.

Твой Валерий Брюсов

Hôtel de Bonn

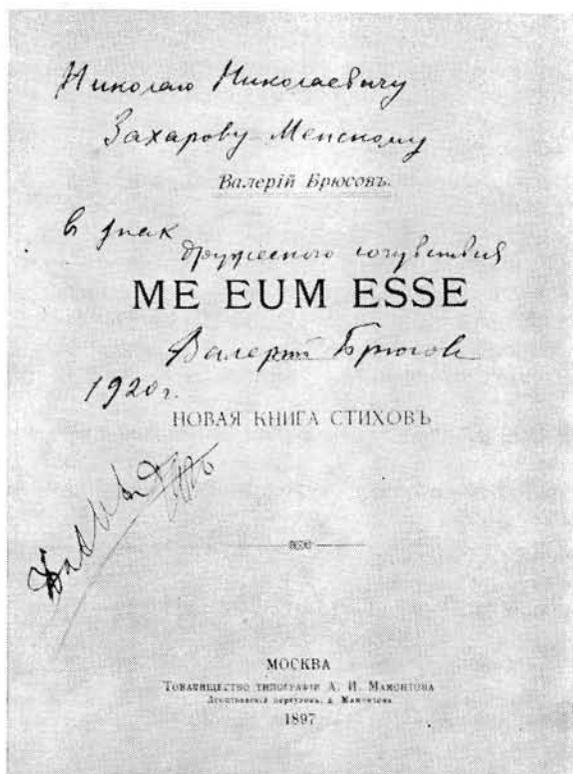
Осенью 1897 г. истекли три года моей обязательной службы офицером, и я, немедленно после срока, вышел в запас и нашел себе работу в Страховом обществе.

С Брюсовым я в это время не переписывался, а видел его раз в Москве «на Рождестве».

На Пасхе ⟨1898 г.⟩ я был в Москве, но свидание с Брюсовым было мимолетно. Я был занят другим и, вернувшись к себе в Харьков, не сядя за письмо. В конце года ко мне неожиданно пришло письмо.

«ME EUM ESSE». М., 1897

Титульный лист с дарственной
надписью: «Николаю Николаевичу
Захарову-Менскому
в знак дружеского сочувствия.
Валерий Брюсов. 1920 г.»
Собрание Р. Л. Щербакова,
Москва

ПИСЬМО <СЕМНАДЦАТОЕ>

«Москва.» Рождество 1898.

Друг мой! Очень хотелось бы мне возобновить нашу переписку по-правильнее. Мы друг от друга немного отвыкли. Давай вновь знакомиться. Для начала вот мое маленькое *curriculum vitae* *. Начинаю с 97 года, ибо, хотя на Пасхе мы и виделись, но слишком бегло.

После издания «*Me eum esse*» жил я довольно плачевно. Друзья либо разбежались (Бальмонт за границей, Курсинский в Киеве, ты в Харькове, и т. д.), либо я с ними рассорился по поводу предисловия ко 2 изданию «*Chefs d'Oeuvre*»⁹⁴. Я пытался утешать себя стихами о святости одиночества, но чувствовал себя плохо. Да и «*Me eum*» прошла очень уж незамеченной. Во всей вселенной нашелся один человек, Федор Сологуб, приславший мне приветственное письмо...⁹⁵ День за днем я впадал в какое-то уныние, в апатию, говоря иностранным словом. Кончилось все это моей злосчастной поездкой за границу. Я был в Берлине, был в Кельне, ехал по Рейну, заглянул в Голландию, но ничего не видал. Не доехал, например, до Парижа, хотя был совсем близко и была полная возможность; проехал мимо Дрездена и не полюбоществовал взглянуть на тамошнюю Мадонну... Но не стоит рассказывать подробности.

«Возрождение» начинается с осени 1897 г. — именно со времени моей женитьбы (была ли она причиной или следствием — угадай сам). «Свадебное путешествие» совершали мы в Петербург, потом уехали мы с Цветного бульвара...⁹⁶ ах! мой друг, как благотельно влияет порвать с той обстановкой, где прожил двадцать три года! где все до последнего сту-

* жизнеописание (лат.).

ла знакомо мучительно!.. Весною ездили мы в Крым. Я уже был однажды там, но чувствовал его в первый раз теперь — все, и цвет моря, и карабкаться по скалам, и как качается рыбацкая лодка между прибрежными камнями..⁹⁷ Остальную часть лета жили под Москвой, и я писал «О искусстве» (не «об»)⁹⁸.

Недавно вернулись мы вновь из Петербурга. Там на этот раз посещал я всяких поэтов. Мережковский, лежа в постели (он был болен), кричал проклятия, катался и кричал: «Левиафан! Левиафан пошлости!» (Это не обо мне, а о Л. Толстом.) Минский с ехидной усмешкой говорил о моей книге: «Ждешь появления привидения, а входит дядюшка и говорит: здравствуйте!» Иероним Иеронимович Ясинский (красивый и умный зверь) снисходительно похлопывал меня по плечу: «Смело! очень смело». Случевский только спросил обо мне: «Что у него — жена или любовница?» А вокруг копошилась и шумела ватага всех мелких, Сафоновых, Коринфских, Буниных, имена же им ты веши (трое названные, к моему удивлению, «симпатичнее» других); одни из них живут в хоромах, другие на чердаках, одних печатают, других не печатают, но все они бранят друг друга и рассказывают один о другом мерзейшие сплетни. — За десять дней моей жизни в Петербурге перевидал я человек 40 новых лиц, голова у меня пошла кругом и, вернувшись в Москву, я дня два был болен⁹⁹.

Теперь, когда минут праздники, отдамся я занятиям историями, ибо намерен сдавать весной государственный экзамен. Из этого видишь, каковы мои отношения к университету. Пока до свидания. Пиши, а если поедете в Петербург, нас не забудьте (я вновь на Цветном, но в иной квартире). «Потомства» у меня нет, а если у тебя есть наследники, оных приветствую, так же как и жену твою, с которой, к сожалению, нам не пришлось познакомиться.

Твой Валерий Брюсов

P. S. Книжку свою пошлю тебе после праздников¹⁰⁰, а из моих стихов посылаю одно, не скажешь ли своего мнения¹⁰¹.

Валерий Брюсов

Но это не оживило наших отношений.

Весною 1899 г. я получил от него следующее письмо:

ПИСЬМО <ВОСЕМНАДЦАТОЕ>

«Москва. Весна 1899 г.»¹⁰²

И опять извини, друг мой, что пишу после большого перерыва. Я задумал сдать в этом году государственный экзамен в университете и потому совсем погрузился в толстые томы. Императоры, века, народы, религиозные и социальные движения..! (Знаешь ли ты, что я историк?) Как относишься ты к пресловутому марксизму? Менее всего можно счесть его за движение ничтожное. У нас в университете — треть (а то и половина) студентов — «экономические матерьялисты». В Петербурге диспут за диспутом. Из «толстых» журналов едва ли не половина полумарксистские («Начало», «Жизнь», «Знамя», отчасти «Мир божий», более «Научное обозрение»... А кстати, что за воспоминания слиты и спаяны с именем «Начало!»). И на Западе марксизм не незаметная величина. Сколько кафедр принадлежит ему. Смелый завоеватель! Особенно в Италии. И старые, «заслуженнейшие» профессора клонятся к нему. Оскар Майер и пр...¹⁰³ Нет! надо думать о марксизме. Изучая день за днем, месяц за месяцем книги о истории, историков и летописи, вижу и знаю, что в науке истории — личностей нет и нельзя отказаться от необходимости. Без рока невозможна никакая наука, ибо в науке торжествует причинность. Вот почему в

принципе марксисты правы. И даже далее. Пока наука не указала более рациональной основы исторических событий, как именно марксистская борьба классов за экономические выгоды. Значит ли это, что я их приветствую и сам их? Нет. Ибо давно я отвергаю науку. Что же такого, что по науке необходимо так. Для меня это очень немного. Пожалуй, даже неправда, что науку я отвергаю. Люблю ее, но ей не верю. Марксизм последняя вспышка матерьялизма, ибо прежний научный, но не философский, матерьялизм уже стал невозможен. Недаром Маркс был учеником Гегеля! Но я иным путем пришел к иному и знаю иное, для меня лучшее. Моя партия, конечно, исконный враг тех, я среди крайних идеалистов (в созерцательном смысле). Но «знамени врага отстаивать честь» я готов и буду. Не хочу проклинать. Истин не одна, а много. Пусть даже они противоречат друг другу. Это надо принять и понять. Мне всегда смешно было наше стремление к единству: сил или начал, или истины. Моя мечта — пантеон, храм всех богов. Будем молиться дню и ночи, Митре и Адонису, Христу и Дьяволу¹⁰⁴. «Я» это такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примираются. Первая (хотя и низшая) заповедь — любовь к себе и поклонение себе. Ты веришь?

Твой Валерий Брюсов

Станным показалось мне это послание. В то время я находился в центре яростных споров по вопросам, выдвигавшимся левыми журналами. «Начало», «Жизнь» не сходили с моего стола, и слова моего старого друга о возможности примирения в душе Митры и Адониса, Христа и Дьявола — прозвучали для меня как досадный парадокс. Я стоял в схватке, а не вне ее.

Опять прервалась наша переписка.

〈Осенью〉 1899 г. я вспомнил о старом друге, написал ему и даже приложил свои стихи. Какие — забыл, но в памяти моей сохранился неуклюжий отрывок из стихотворения, посланного Брюсову приблизительно в это время. Так как он характерен для взаимоотношений корреспондентов, то я привожу его здесь:

Своей душой ты хочешь мир объять,
Моя — стремится в мире раствориться.
Своею глубиной ты хочешь поражать,
А я хочу с людьми и плакать и молиться¹⁰⁵.

〈На это письмо Брюсов отвечал:〉

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

〈Москва.〉 Окт. 99.

Ты прав, друг мой, давно пора нам было перемолвиться.

Жизнь моя на время вступает в тихое русло. Прошлый год был очень шумным. Я дважды ездил в Петербург, встретился, познакомился с сотней новых лиц; потом в месяц должен был одолеть лекции четырех лет для «государственных испытаний»; потом уехал отдыхать в Крым, между прочим, бродил несколько дней подряд по горам, убедился, чему прежде не верил, что и в нашем Крыму есть истинно дикие места; потом этой осенью пришлось мне пережить как бы ответные визиты многих из петербургских знакомых, появлявшихся один за другим в утомительной смене. Теперь, кажется, все это кончено; даже многие из московских моих приятелей поразъехались. Я остался один с своими книгами, с раздумьями, с родными улицами и московскими старинными церквями. Все больше отрешаюсь от современности, все глубже погружаюсь в XVII век¹⁰⁶.

Впрочем, газеты читаю с жадностью. Не знаю как ты, но я был в той международной толпе, которая с трепетом ждала телеграмм из Ренна ¹⁰⁷. Теперь, конечно, не с трепетом, но с великим любопытством ловлю я вести из Южной Африки. Война англичан с бурами — событие перво-степенной исторической важности и громадного значения для России. Ведь бороться с Англией на Востоке рано или поздно придется нам, и есть разница, будет ли Англия раньше побита или создаст Южно-Африканские штаты ¹⁰⁸.

В близком будущем никаких изданий я не затеваю. Выйдет, может быть, к Рождеству «Книга раздумий», где я, Бальмонт и Ореус. А затем все мое время посвящено «Истории русской лирики», матерьялы для которой набегаяют отовсюду, наступают, подавляют, потопляют меня. Временами отчаиваюсь, возможно ли их пересоздать в целое... Что до моих стихов, то, конечно, есть много нового, так много, что затрудняюсь выбрать что-нибудь тебе для примера; погоди, пока соберусь издать «Согола» ¹⁰⁹. В «Жизни» (о которой ты спрашиваешь) я не пишу; известно тебе, что как символист я подлежу всеобщему остракизму. Пока только два издательства дали мне доступ: стихи мои (которые попроще и попроще) печатаются иногда в «Южном обозрении» (какая-то одесская газета; я из нее видал только вырезки), а библиографические статьи (о Тютчеве, о Баратынском; из работ по истории лирики) в «Русском архиве». И там, и здесь за полной подписью ¹¹⁰.

«Мир искусства» я издаю и журнал этот люблю. Рисунки Поленовой в последнем № очень замечательны. № о Пушкине был любопытен. Гойя — художник столь великий, что и в плохих воспроизведениях стоит внимания. Небезинтересны были еще рисунки скандинавских художников ¹¹¹.

Стихи твои, как мне кажется, очень верно передают именно то, что ты хотел. Говоря формулой, они «мне нравятся». Если есть у тебя еще что в стихах — пришли. (Только — о друг мой — умоляю тебя хоть чуть-чуть усовершенствовать свой почерк; а то в письме твоём остались слова, мной не разобранные.)

Литературных новостей и много и мало. Роман Мережковского будет печататься в «Мире божием» ¹¹². Перцов продолжает собрание статей В. Розанова ¹¹³. Ив. Коневской печатает сборник стихов ¹¹⁴. «Воскресения» я не читал ¹¹⁵. Из новых французских поэтов стоят чтения — Verhaeren, Viele Griffin и Н. de Regnier. Особенно указываю на первого, на его стихи о современности, о больших городах, о гибнущей деревне, о народе, о улице и палачах...

По прежнему твой Валерий Брюсов

P. S. Откуда узнал ты о статье Бальмонта в «Athenaeum 'e» и о упоминании там моего имени? ¹¹⁶

В начале 1900 года я был в Москве, был у Брюсова и читал ему отрывки из своей драмы «Мрак», написанной под влиянием картины голода в деревне, которую мне пришлось наблюдать. Мы стояли в то время на совершенно непримиримых позициях, но, к моему удивлению, некоторые страницы драмы понравились Брюсову.

Он жил по-прежнему на Цветном бульваре в квартире второго этажа, примыкавшей к старой семейной квартире. Ход в нее был со двора. Невзрачная, пошатнувшаяся деревянная лестница вела в квартиру. В комнатах было чисто, уютно и необыкновенно аккуратно. Большая библиотека новых книг в образцовом порядке была размещена на новых полках, а старый знакомый — отцовский шкаф, с книгами, составленными из «Современника» и «Отечественных записок», оказался сосланным в коридор и на нем стоял старый бюст дедушки Крылова, наблюдавший за нашим

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «РАБ» («URBI ET ORBI»)

Акварель А. А. Койранского. 1900-е годы

Мемориальный кабинет Брюсова, Москва

детством и юностью. И на столе и во всем была непривычная мне в доме Брюсовых аккуратность.

Бывая у Брюсовых, я встречался у него с новыми поэтами. Очень поразила меня златокудрый молодой Бальмонт. Он не говорил, а распевал. Он утверждал, что тот не поэт, кто не творит непрерывно. Поэт, по его мнению, не мог писать менее пяти стихотворений в день. Он непрерывно переходил на пение своих стихов. Солнце из окна золотило его кудри. Его так переполняло вино песни, что он не замечал других и лишь минутами снисходил к ним. И этот образ поющей птицы живет до сих пор у меня в памяти со старыми напевами его стихов.

〈В июле 1900 г.〉 в «Книжках Недели» появился мой рассказ «Беглец», и я послал его отпечаток на Цветной бульвар¹¹⁷.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

26 июля 900. Ревель.

Друг мой! Получил пересланный мне сюда твой рассказ. Спасибо. Радуюсь всей душой, что ты вступаешь в литературу. Надеюсь (и это не слово только) в будущем читать тебя часто. Что до самого рассказа, — ты знаешь, что он не таков, каких я ищу. Что твоя драма, замысел и иные черты которой мне нравились очень? Не могу писать подробнее, ибо мы укладываемся и завтра утром пускаемся в обратный путь в Москву.

Твой Валерий Брюсов

Затем наступил долгий перерыв в наших сношениях.

За это время я странствовал по стране, жил одно время в Саратове, затем в Петербурге, а в 1904 г. был призван из запаса в действующую армию и год слишком пробыл в Манчжурии.

Мы встретились с Брюсовым осенью 1906 г. в Москве в Литературном кружке на моем докладе о жизни и творчестве художника В. Э. Борисова-Мусатова.

В этот вечер Брюсов был со мной необыкновенно ласков. В то время я кончал свою книгу «Пережитое (Воспоминания зрителя войны)» и в числе трех эпиграфов взял два у Брюсова и один у Пушкина¹¹⁸.

Книга эта была послана Брюсову и вызвала две его записки.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

⟨Москва. 31 августа 1907 г.⟩

Дорогой друг!

Благодарю тебя за книгу и за лестность эпиграфов, где я поставлен рядом с Пушкиным. Читаю твои «записки» с большим интересом. Озабочился, чтобы было две рецензии: у нас в «Весех» и в «Столичном утре», — пришлю тебе обе. Слышал, что твою книгу конфисковали¹¹⁹. Глупо. Впрочем, ты напрасно прибавил последние страницы, не очень вытекающие из предыдущего.

Если у тебя есть рассказы или воспоминания, вообще литературный материал, не пришлешь ли для этого «Столичного утра». Оно очень просит и платит исправно.

Хотел бы получить о тебе вести. Где ты? Что ты?

Всегда твой Валерий Брюсов

1907 авг.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

⟨Москва. 5 сентября 1907 г.⟩¹²⁰

Дорогой друг,

плю тебе первую рецензию из «Столичного утра». Жду отклика на мое предыдущее письмо.

Твой Валерий Брюсов

Когда осенью 1907 года вышел мой «Путевой альбом», я послал его Брюсову¹²¹.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

⟨Москва. 30 октября 1907 г.⟩

Дорогой друг!

Благодарю за новую книгу. Прочту и сообщу тебе о своем впечатлении. О «Пережитом» отзыв будет в № 10 «Весов». Я было поручил эту твою книгу А. Курсинскому. Но он написал заметку резко отрицательную, с которой я согласиться не мог. Пришлось вернуть рукопись, а книгу поручить другому лицу. Теперь рецензия написана тем же, кто разбирал твою книгу в «Столичном утре»¹²².

Кстати: те газеты, в которые я звал тебя (и очень жалею, что ты не откликнулся), волею администрации жизнь свою прекратили¹²³. А не примешь ли ты участие в библиографическом отделе наших «Весов», вступающих в пятый год существования? В отдел рассказов не зову пока, потому что там все переполнено, и есть рукописи, давно принятые и ждущие своей очереди по 15 месяцев! — а в то же время мы не можем не давать

первенства рукописям постоянных наших сотрудников, остающихся верными «Скорпиону» уже десять лет. А в области библиографии работа и помощь нужны очень.

Всегда твой Валерий Брюсов

30 окт. 1907.

Но в то время я так был занят своею работой, что не мог откликнуться на приглашение.

Весною 1908 г. мы случайно встретились на Невском и условились на следующий день пообедать вместе в Северной гостинице.

Результатом этой встречи явилась записка:

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Москва, 17 дек. 1908.

Дорогой друг,

Позволь тебе напомнить, что ты дал обещание писать в «Весь» о художественной жизни Петербурга. Не начнешь ли ты этой работы статьей о «Салоне» С. Маковского? Ты знаешь обычные приемы наших корреспондентов и их размеры.

Все лето провел я в скитаниях по «заграницам». Был опять в Италии, немного в Испании, в разных местах Франции, неизбежном Париже¹²⁴. Как живешь ты?

Твой Валерий Брюсов

Я послал обещанную корреспонденцию, и она была помещена в «Весах»¹²⁵.

С той поры мы не переписывались¹²⁶ и не видались.

Много лет спустя, в марте 1917 года, я был в Москве и меня потянуло повидаться с другом былых лет. Я узнал его не значащийся в справочной книжке телефон, и мы условились, что я зайду к нему на Мещанскую улицу завтра.

Внимательно разглядывали мы друг друга. Мы не были стариками, нам было по 43—44 года, но уже сильно надорваны жизнью. О прежних спорах не было и речи. Чуждые в первую минуту, мы быстро согрелись и обменялись далекими воспоминаниями, такими мелкими, никому не нужными и имеющими значение только для нас. Расставаясь, мы крепко пожали друг другу руки.

Больше нам не довелось повидаться.

<1925>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дом Е. Н. Самариной, уцелевший при пожаре 1812 г., находился на углу Петровки и Богословского переулка (ныне ул. Москвина); по современной нумерации — д. № 25 по Петровке. Гимназия Креймана размещалась в нем в 1871—1905 гг.

² Половина воспитанников гимназии «принадлежала к дворянству, другая — к другим сословиям, более или менее обеспеченным материально» («Двадцатипятилетие Московской частной гимназии Фр. И. Креймана». М., 1884, стр. 40).

³ Франц Иванович Крейман (1828—1902) открыл в Москве частную школу в 1858 г. В 1865 г. она была преобразована в частную гимназию (там же, стр. 1, 5).

⁴ В 1885 г. театр Ф. А. Корша (основан в 1832 г.) переехал из наемного помещения в собственное здание в Богословском переулке (ныне филиал МХАТ).

⁵ Юрий Францевич Виннер (1824—1891) преподавал в гимназии Креймана в 1859—1891 гг. сначала математику и физику, позднее — географию. «Живой, веселый, с детски-чистою улыбкою на устах, с увлечением объясняющий и рассказывающий нам, — вот в каком виде рисуется мне худощавая, нервная фигура Юрия Францевича. Разносторонняя начитанность по всем отраслям знания, изумительная память, неистощимое остроумие, находчивость и замечательный дар слова Ю. Ф. одинаково пора-

жали. Уроки Ю. Ф. Виппера были истинным праздником для нас» (Гр. Д-в. Памяти Ю. Ф. Виппера. — «Русские ведомости», 1891, № 114, 28 апреля). См. также *Из моей жизни*, стр. 32.

⁶ Август Львович Линде (?—1910) — автор «стихотворных драм», изданных в России на немецком языке («Gudgün». М., 1887) и в русском переводе («Слепой». СПб., 1894); в 1862—1887 гг. — воспитатель и преподаватель немецкого языка в гимназии Креймана. См. о нем: *Из моей жизни*, стр. 31—32.

⁷ Федор Иванович Брюккер — в 1868—1909 гг. воспитатель и преподаватель немецкого языка в гимназии Креймана. В адресе Брюккеру в связи с 25-летием его педагогической деятельности говорилось: «Для школы вы были находкой: ваше специальное медицинское образование было истинным сокровищем, и только одна школа знает, во скольких трудных минутах ее жизни вы явились и утешителем и помощником...» («Отчет об-ва бывших учеников Московской частной гимназии Фр. Креймана за девятый отчетный год 1892—1893». М., 1895, стр. 8).

⁸ О П. А. фон Фолькмане см.: *Из моей жизни*, стр. 28, 29.

⁹ Сорок процентов всех уроков в гимназии Креймана составляли латинский и греческий языки («Двадцатипятилетие Московской частной гимназии...», стр. 47). О постановках произведений древнегреческих и римских авторов силами учеников старших классов см.: «Годичный отчет Московской частной гимназии Фр. Креймана за 1890—1891 учебный год». М., 1892, стр. 45—46.

¹⁰ В 1885 г. Брюсов поступил сразу во второй класс (*Из моей жизни*, стр. 27).

¹¹ Сохранилось 11 номеров «Начала» за 1886—1887 гг., — № 9—16 (ИРЛИ, ф. 444, ед. хр. 79) и № 1, 2, 17 (Ереванский гос. педагогический институт, кабинет изучения творчества Брюсова). Об их содержании см.: Н. К. Гудз и й. Юношеское творчество Брюсова. — *ЛН*, т. 27-28, стр. 231—232. О значении «Начала» в творческой биографии Брюсова см.: *Из моей жизни*, стр. 34—35.

¹² О первом знакомстве с творчеством Эдгара По см. в незавершенной автобиографической повести Брюсова «Так начинались стихи...» («Литературная Россия», 1973, 14 декабря, № 50).

¹³ Об увлечении Брюсова Жюль Верном см.: *Из моей жизни*, стр. 18.

¹⁴ О воспитании материалистических взглядов в семье Брюсовых см.: *Автобиография*, стр. 102—103; *Из моей жизни*, стр. 47; *Валерию Брюсову*, стр. 55.

¹⁵ Об этом случае Брюсов рассказывает несколько иначе (*Из моей жизни*, стр. 49). Жалоба законоучителя Н. А. Сергиевского (преподавал в гимназии Креймана в 1875—1892 гг.) на то, что Брюсов распространяет среди товарищей «атеистические идеи», сыграла свою роль в его вынужденном уходе из гимназии (*Автобиография*, стр. 106).

¹⁶ Стихотворение «Австралия», написанное 25 февраля 1884 г. (ГБЛ, ф. 386, л. 4, л. 9 об.—10). Первые стихи Брюсова («Соловей») относятся к 1881 г. (там же, л. 6; Н. К. Гудз и й. Указ. ст., стр. 202).

¹⁷ Чтение Корнелия Непота (римский историк, автор жизнеописаний знаменитых людей, I в. до н.э.) входило в программу III класса гимназии Креймана («Двадцатипятилетие Московской частной гимназии...», стр. 55).

¹⁸ Стихотворение «Мир» впервые напечатано в *УО*.

¹⁹ Драчевка (ныне — Трубная ул., ранее — Грачевка) была средоточием частных домов. Ее название, по-видимому, связано с близлежащей церковью св. Николая «в Драчах» (т. е. на месте, заросшем травой); в то же время оно отражает буйные нравы посетителей этого района старой Москвы (А. М а р т ы н о в. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888, стр. 56—57).

²⁰ В доме № 22 (по современной нумерации) на Цветном бульваре Брюсов жил до сентября 1910 года. Описание его см.: А. И з м а й л о в. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 387.

²¹ См.: *Автобиография*, стр. 104—105.

²² Отец поэта — Яков Кузьмич Брюсов (1848—1907); о нем см.: *Из моей жизни*, стр. 10—11; *Автобиография*, стр. 102.

²³ Дед поэта — Кузьма Андреевич Б р ю с о в (1808—1891); о нем см.: *Из моей жизни*, стр. 9—10; *Автобиография*, стр. 101.

²⁴ Мать поэта — Матрена Александровна Б р ю с о в а, урожденная Бакулина (1846—1920); о ней см.: *Из моей жизни*, стр. 11—12; И. Б р ю с о в а. Материалы к биографии Валерия Брюсова (в кн.: *Избр. стихи*, 1933, стр. 119).

²⁵ Все три сестры поэта — Надежда, Лидия и Евгения учились музыке. О Н. Я. Брюсовой см. наст. том, стр. 679.

²⁶ Николай Брюсов умер весной 1887 г. от воспаления мозга в десятилетнем возрасте.

²⁷ Н. А. Эйхенвальд (см. о нем: *Дневники*, стр. 3—6, 10; *Из моей жизни*, стр. 54—55, 62, 64, 72) принадлежал к компании «любителей кутежей», с которой Брюсов одно время сблизился после ухода Станюковича из гимназии (*Автобиография*, стр. 105).

²⁸ Об А. А. Ланге (Миропольском) см. наст. том, стр. 373.

²⁹ Историю ухода Брюсова из гимназии Креймана (1889) см.: *Автобиография*, стр. 105—106; *Из моей жизни*, стр. 51—54. Осенью 1890 г. Брюсов поступил в

VI класс частной гимназии Поливанова (находилась на Пречистенке — ныне ул. Кропоткина, д. 32). Лев Иванович *Поливанов* (1838—1899) — директор гимназии, пушкинист, учредитель Шекспировского кружка, переводчик — «вложил в свою школу живую душу, поднял и удержал эту школу выше обычной казенности и умел зажечь в своих воспитанниках искры того огня, который горел в нем самом» (Вл. Соловьев. Л. И. Поливанов. — Сб. «Памяти Л. И. Поливанова». М., 1909, стр. 7). Особенностью его гимназии являлось глубокое изучение литературы.

³⁰ Скорее всего эти отзывы были юношеской бравадой. Ср., например, воспоминания о преподавателе латыни В. Г. Аппельротте (*Из моей жизни*, стр. 69).

³¹ В юности Брюсов посещал скачки, сочинял о них стихотворные отчеты (ГБЛ, ф. 386, 14.1, л. 15, 44—45; *Из моей жизни*, стр. 50—51, 113). Об этом его увлечении вспоминает В. А. Гиляровский («Друзья и встречи». М., 1934, стр. 79), в журнале которого «Листок объявлений и спорта» была напечатана статья Брюсова о скачках — «Немного математики» (1891, № 13); ей предшествовала заметка «Несколько слов о тотализаторе» («Русский спорт», 1889, № 37, стр. 582—583).

³² Цезарь Павлович *Баталон* (1855—1913) — преподаватель литературы и психолог. Свои педагогические идеи изложил в книге: «Хрестоматическая система и новые методы». СПб.—Варшава, 1914. Большой популярностью пользовалось его «Пособие для литературных бесед и письменных работ. Вопросы для изучения произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, гр. Л. Толстого, Островского, Шекспира». М., 1891.

³³ «Из жизни медленной и вялой // Я сделал трепет без конца» (из стихотворения «Золото» — TV).

³⁴ Поэма Н. М. Минского «Гефсиманская ночь» была запрещена Комитетом духовной цензуры в 1884 г. Впервые опубликована (под заглавием «Искушение»): «Пушкинский сборник (в память столетия со дня рождения поэта)». СПб., 1899.

³⁵ В начале 900-х годов Брюсов писал К. М. Фофанову: «Никому из поэтов не обязан я так много за часы восторга и радости, как вам» (К. М. Фофанов. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1962, стр. 36).

³⁶ Д. М е р е ж к о в с к и й. Вера. Повесть в стихах (PM, 1890, № 3—4).

³⁷ Вероятно, Станюкович не совсем точно передал суть спора. В теоретических работах Брюсов иначе формулировал свой взгляд на проблему типического в искусстве: «Единственный признак истинного искусства — своеобразие», — писал он в конце 1890-х годов (*О искусстве*, стр. 14); позднее, прилагая этот тезис к поэзии символизма, Брюсов отмечал как высшее достижение «нового искусства» тот факт, что оно «все смелее и смелее уходит в мир личных, индивидуальных чувствований, ощущений мгновения <...>, порывает навсегда и решительно с призраком типичности» («Ключи тайн». — «Весы», 1904, № 1, стр. 12).

³⁸ О брошюре Ц. П. Баталона см. примеч. 32. Одна из первых бесед (в ней участвовали Станюкович и П. М. Пильский) состоялась 12 октября 1891 г. (*Дневники*, стр. 3). Пильский вспоминает об этих беседах: «Мы мечтали о многом, фантазировали, опрокидывали вчерашний день, строили воздушные замки будущего, затевали, горели, спорили... О, как много горели! О, как много и горячо препирались! О чем только не мечтали, чего только не собирались сделать! Как увлекались искусством диалектики! Все мы будто готовились в литературные прокуроры. Еще бы! На скамье приговоренных нами сидела вся последняя литература той современности, вся журналистика, все ежемесячники того тихого, того страшного времени!» (журн. «Мансарда». Рига, 1931, № 5-6, стр. 23—24).

³⁹ В этом «драматическом этюде» (ГБЛ, ф. 386, 28.4) три действующих лица (см. наст. том, илл. на стр. 727). Пьеса посвящена Н. А. Раевской (Дарузец).

⁴⁰ Ц. Б а л т а л о н. Наблюдения и опыты по эстетике зрительных восприятий. — «Вопросы философии и психологии», 1900, № 55.

⁴¹ Н. К. М и х а й л о в с к и й. Литература и жизнь (PM, 1893, № 1, 4). О роли, которую с 1893 г. играл в пропаганде символизма «Северный вестник», см.: Л. Г у р е в и ч. История «Северного вестника». — «Русская литература XX века». 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова, т. I. М., 1914, стр. 248, 252—257; П. В. К у п р я н о в с к и й. Поэты-символисты в журнале «Северный вестник» (в сб.: «Русская советская поэзия и стиховедение». М., 1969); е г о ж е. Из истории раннего русского символизма (в его же кн.: «Сквозь время». Ярославль, 1972).

⁴² «La Plume» — литературно-художественный журнал; выходил в Париже в 1889—1904 гг. В первые годы своего существования ставил задачей ознакомить читателей со всеми направлениями современной литературы.

⁴³ В архиве Станюковича сохранилась машинописная копия «драматического этюда» «Каракалла» с цензурным разрешением «к представлению» от 17 ноября 1893 г. (Гос. Русский музей, секция рукописей, ф. 27, ед. хр. 95). Автографы — в ГБЛ (ф. 386, 28.2—3).

⁴⁴ Ответ на письмо Станюковича (октябрь 1894 г.). — ГБЛ, ф. 386. 103.49, л. 1—2.

⁴⁵ «Всемирная иллюстрация» поместила рецензию Пл. К. (П. Н. Краснова) об РС—2 (1894, № 1346, 12 ноября). Ссылаясь на свой отзыв о первой книге «доморощен-

ных декадентов» (*РС—1*), в котором отмечались «их претензия быть оригинальными и недостаток в них таланта» (там же, 1894, № 1319, 7 мая), рецензент утверждал: «...общее впечатление от настоящего выпуска остается прежнее». Анонимный критик «Недели», списочательно отозвавшись о «неглупой, но отнюдь не оригинальной статье» Брюсова, замечал, что стихи, составляющие сборник, писать «вовсе нетрудно, если только освободиться от цензуры здравого смысла» (1894, № 48, 27 ноября).

⁴⁶ Обзор полученных Брюсовым писем со стихами «новых символистов» см.: *Ашукин*, стр. 82—89. Иван Осипович *Лялечкин* (1870—1895) — поэт-самоучка, член «Суриковского кружка». Его стихотворение, упомянутое ниже («Незабудки, васильки...» — «Север», 1893, № 33; затем — сб. «Молодая поэзия». СПб., 1895), оказалось в центре внимания критики, «став каким-то символом «бесполезного» <...> искусства» (*Перцов*, стр. 174). После выхода *РС—2* он писал Брюсову: «От души желаю примкнуть к вашему кружку» (*Ашукин*, стр. 68). Брюсов ценил его стихи и возлагал на него большие надежды (*Письма Перцову*, стр. 5—10; *Перцов*, стр. 173—175), однако личное знакомство их не состоялось. Стихотворение Брюсова «На смерть Лялечкина» вошло во второе изд. *TV* (*Пути и перепутья*, I).

⁴⁷ Знакомство с К. Д. Бальмонтом состоялось в конце сентября 1894 г. (*Дневники*, стр. 19). Возможно, что «Сказки луны и солнца» — первоначальное название сборника Бальмонта «В безбрежности» (М., 1895), куда вошло стихотворение «Первая любовь». Стихотворение «Клеопатра» (под названием «Камея») включено в сб. «Тишина» (М., 1898). Переводы Бальмонта см.: Эдг. П. о. Баллады и фантазии. Перевод с англ. и с предисловием К. Бальмонта. М., 1895.

⁴⁸ О студенческом «Обществе любителей западной литературы» см.: *Автобиография*, стр. 111.

⁴⁹ Эта книга (Поль Верлен. Романы без слов. Перевод Валерия Брюсова. М., 1894) была разрешена цензурой 11 ноября 1894 г.

⁵⁰ В 1894 г. Брюсов писал романы «Грани» и «Медиум» (*Дневники*, стр. 17). Оба романа не были закончены.

⁵¹ «Васантасена» — индийская драма (автор — полулегендарный царь Шудрака); в 1894 г. была поставлена театром Корша (переделка немецкого драматурга Эмиля Поля, перевод Иванова-Афанасьева). В печати отмечалось, что Поль искажил оригинал и «от далекой архаической Индии осталось очень немного» («Новости дня», 1894, № 4075, 17 октября).

⁵² «Стихотворения Бодлера» (М., 1895; в действительности книга вышла в конце 1894 г.) — первое издание стихов Бодлера на русском языке. Переводчик (поэт-народоволец П. Ф. Якубович) находился в это время на каторге; имя его в этом издании не было указано.

⁵³ Франц Эверс (1871—1947) — немецкий писатель-символист, «поэт-мистик», как охарактеризовал его Брюсов в письме к Бунину от 28 марта 1899 г. (см. *ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 443. В примечаниях к этому письму отзыв Брюсова по ошибке отнесен к другому немецкому писателю — прозаику Эрнсту Эдуарду Эверсу). Брюсов перевел его стихи («Южное обозрение», 1899, № 815, 21 мая). В восторженной оценке Эверса проявилась юношеская страсть Брюсова «открывать необыкновенных литературных гениев, которые уже в ранней юности затмевали Шекспира и Гете (ср., например, <...> сообщение о каком-то Франце Эверсе)» (*Перцов*, стр. 252).

⁵⁴ Василий Львович *Величко* (1860—1904) — популярный в 1890-е годы поэт, удостоенный Грибоевской премии Академии наук. В цикле «Миниатюр», посвященных той части молодой поэзии, которая противопоставляла себя школе символизма (1895), Брюсов рассматривал Величко как наиболее типичного ее представителя: «Что не идет вперед, то регрессирует. Горе тому, кто медлит на последней ступени. Вот в чем вся болезнь нашей поэзии, и мы возьмем пример, где она особенно резко сказывается. Это — г. Величко» (ГБЛ, ф. 386.2.20, л. 6 об.).

⁵⁵ Брюсов вспоминал о газетной шумихе по поводу *РС*: «Посыпались десятки, а может быть, и сотни рецензий, заметок, пародий, и, наконец, их высмеял Вл. Соловьев, тем самым сделавший маленьких начинающих поэтов, и прежде всего меня, известными широким кругам читателей. Имя «Валерий Брюсов» вдруг сделалось популярным, — конечно, в писательской среде, — и чуть ли не нарицательным» (*Автобиография*, стр. 109). Рецензии Вл. Соловьева на *РС* печатались в «Вестнике Европы» (1894, № 8; 1895, № 1 и 10; см. также: *Ашукин*, стр. 56—59, 63—67, 76—82).

⁵⁶ «Предчувствие» (*ChdO*); первая редакция, написанная 25 ноября 1894 г.

⁵⁷ К этому времени были написаны поэмы «Осенний день» (25 сентября 1894 г. — *ChdO*), «Снега» (25—29 ноября 1894 г. — *ChdO*), «Идеал» (16 декабря 1894 г. — *МЕЕ*) и, вероятно, «Встреча после разлуки» (1894) — *ПСС*, т. I).

⁵⁸ Владимир Максимович *Фриче* (1870—1929) — товарищ Брюсова по университету, участник студенческого «Общества любителей западной литературы», впоследствии марксистский критик и литературовед. Ему посвящено стихотворение «Ученый» (*РС—3*).

⁵⁹ Тяжело больной Верлен не ответил на письмо Брюсова.

⁶⁰ «Любовь к Надсону наваял мне мой первый сотоварищ по поэзии В. К. Станюкович», — вспоминал Брюсов (*Из моей жизни*, стр. 73). Безоговорочное поклонение

длилось почти пять лет (там же, стр. 73—75; Н. К. Гудзий. Указ. ст., стр. 205—206, 215). В 1892 г. Брюсов написал статью о Надсоне, в которой указывал на ходульность его образов и плохую технику стиха (там же, стр. 235). В 1895 г. Брюсов оценивал Надсона уже исключительно с точки зрения его «исторического значения», отдавая должное его роли в процессе «постепенного освобождения субъективизма» в русской поэзии (*Письма Перцову*, стр. 10). Поэзию Некрасова Брюсов всегда ценил очень высоко (см. его статью «Н. А. Некрасов как поэт города» и примеч. к ней Н. С. Ашуккина (*Избр. соч.* 1955, т. 2; см. также *Автобиография*, стр. 103, 107).

⁶¹ Из стихотворения «Океан», написанного 2 января 1895 г. (*Неизд. стихотв.* 1935, стр. 174).

⁶² В письме без даты, на которое отвечает Брюсов, Станюкович сообщал: «Читаю я очень много и, конечно, все более и более удаляюсь от твоей дорожки, т. е. от символизма. Теперь засел за Бокля, [Канта] <...> и читаю без конца, твердо веря, что надо выработать «всестороннее» мировоззрение» (ГБЛ, ф. 386. 103.49, л. 8 об.).

⁶³ По-видимому. *РС—3* и *ChdO I* (разрешены цензурой 26 апреля и 2 мая 1895 г.).

⁶⁴ Стихотворения Д. С. Мережковского «Леда», «Зимний вечер» (Брюсов называет его «Проклятая луна») и «Леонардо да Винчи» опубликованы в «Северном вестнике» (1895, № 3—5); там же печатался роман «Отверженный» (впоследствии — «Юлиан Отступник») — первая часть трилогии «Христос и Антихрист». Георг Мориц *Эберс* (1837—1898) — немецкий ученый и писатель; его исторические романы из жизни древнего Египта отличались занимательностью и были очень популярны. Трагедия Ибсена — «Кесарь и Галилеянин» (1873).

⁶⁵ По-видимому, книга Г.-Т. Бокля «История цивилизации в Англии» сохранилась в библиотеке отца Брюсова (в 1868—1874 гг. она неоднократно переиздавалась в русском переводе; новое издание вышло в 1895—1896 гг.).

⁶⁶ В гимназические годы Брюсов увлекался философией Спинозы (*Из моей жизни*, стр. 121), в университете он серьезно занялся Лейбницем, изучал Канта; 25 июля 1895 г. он записал: «За Канта я взялся, как за откровение, но он более чем разочаровал меня» (ГБЛ, ф. 386. 1. 13, л. 13).

⁶⁷ Во время пребывания в Московском университете Брюсов несколько раз переходил с одного отделения историко-филологического факультета на другое; на классическом отделении он был в 1895/1896 учебном году (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 1, л. 20).

⁶⁸ Предисловие к первому изданию *ChdO* см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 572. Об отношении к этой книге со стороны друзей Брюсова см.: *Дневники*, стр. 22. П. С. Коган (о нем см. наст. том, стр. 709) был в то время студентом Московского университета.

⁶⁹ Эпизод в университете произошел 11 сентября 1895 г. (*Дневники*, стр. 22). Отклики прессы на первое издание *ChdO* см.: *Ашукин*, стр. 95—103.

⁷⁰ Первый сборник стихов А. Добролюбова — «*Natura naturans. Natura naturata*». СПб., 1895.

⁷¹ Запрещенные в России книги Л. Н. Толстого «В чем моя вера» (Женева, 1892) и «Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (Берлин, 1894) Брюсов получил от А. А. Курсынского (*Дневники*, стр. 22), который был рететитором сына Л. Н. Толстого Михаила.

⁷² По-видимому, незаконченная работа «Русская поэзия в <18>95 году» (ГБЛ, ф. 386. 6. 16) — «сборник заметок, не столько критических, сколько полемических, скорее мысли по поводу новейших произведений наших поэтов, чем об них» (*Письма Перцову*, стр. 32).

⁷³ Датируется по времени посылки Станюковичу первого издания *ChdO* и *РС—3*: (см. п. 6), вызвавших с его стороны «негодующее письмо», на которое отвечает Брюсов. В этом письме (без даты) Станюкович писал (курсивом отмечены обвинения, особенно задевшие Брюсова): «...по-моему, «символизм», «представителем которого являются эти две книжки, дошел в них до Геркулесовых столбов нелепичи <...> Прочитавши твое предисловие, я проникнулся искренним желанием вступить с тобой в душевное общение, но, несмотря на это, ничего не вышло, — какие-то странные обрывки мысли и, в целом не связанных между собою ничем, кроме любовного похождения. Да и похождение не оригинально <...> И потом, о мой милый друг! Ты, который так высоко стоишь за звучность и гладкость стиха, который так обрабатывает свои стихи, — позволяешь себе подобные вольности:

...по брызгам янтара (?)

...всплески волн чуть долетали с воли

...Беспечно видеть твои черты

...Фонарей золотилось кольцо <...>

А в общем — сумбур и набор слов, который может объяснить только один лишь автор этих ребусов <...> Нет, не понимаю я вас, хоть убей, и ваша лирика не возбуждает во мне ни мысли, ни чувства, не дает никакого настроения. Не скажу то же про Верлена и про Бодлера, которых я прочел. Я не согласен с ними во многом, но их поэзия жива и естественна и могуча <...> Пускай книга, которую ты завещаешь

вечности и какому-то отрешенному от нашей жизни искусству, канет в вечность, а ты «помедли здесь, на этом пепелище» и пиши не символистические, а простые стихи. А лучше было бы бросить и это и приняться за что-нибудь более существенное <...>» (ГБЛ, ф. 386, 103. 49, л. 11—12 об.).

⁷⁴ Из стихотворения «Одиночество» (К. Ф о ф а н о в. Стихотворения. СПб., 1889, стр. 40).

⁷⁵ Написано в апреле 1887 г. (ГБЛ. ф. 386. 14.1, л. 13—13 об.).

⁷⁶ Из стихотворений «Анатолій» и «Фантом», опубликованных в первом издании *ChdO*. Во второе издание «Фантом» не вошел.

⁷⁷ «Звезда» — еженедельный художественно-литературный журнал (СПб., 1886—1905). 13 октября 1895 г. Брюсов писал: «...г. А. Б. («Мир божий», 10), как и г. З. («Звезда», 39) выдвигает новый способ критики против нас: символизм — вещь сносная, но русские символисты никуда не годятся» (*Письма Перцову*, стр. 45).

⁷⁸ Т. е. письмо 7.

⁷⁹ Это и следующее стихотворения вошли в *МЕЕс*.

⁸⁰ Это путешествие Брюсов совершил в апреле 1896 г.

⁸¹ Брюсов выехал из Москвы 9 июня 1896 г. (на это число приходилось первое после 3 июня воскресенье — см. п. 9); в Харькове он был в понедельник, т. е. 10 июня.

⁸² В поезде Брюсов познакомился с С. Г. Судейкиной. Ей посвящено стихотворение «Лепесток отцветающей розы...» (*МЕЕс*; см. *Собр. соч.*, т. 1, стр. 113, 584).

⁸³ То же самое, включая цитату из Пушкина («Отрывки из «Путешествия Онегина»), Брюсов повторил 19 июля 1896 г. (*Письма Перцову*, стр. 77). 12 июня написано стихотворение «Четкие линии гор...» (*МЕЕс*) — о «бессилии» природы «перед мечтой»; однако, по признанию Брюсова, он, готовый «уступить» обаянию природы, писал подобные стихи главным образом «в угоду своим эстетическим теориям» (В. Б р ю с о в. Детские и юношеские воспоминания. — «Новый мир», 1926, № 12, стр. 118).

⁸⁴ Имеется несколько редакций предисловия к незаконченной «Истории русской лирики» (ГБЛ, ф. 386. 41. 1—32).

⁸⁵ 2 июля 1896 г. Станюкович возражал против «теории» символизма, изложенной в п. 11. По поводу второго издания *ChdO* он писал: «Новые шедевры лучше старых, хотя в ущерб символизму, т. к. многие стихотворения обладают жизненностью не только образов, но и построений и идей. Право, друг мой, нечего вести борьбу с жизнью и отрешаться от нее. Так или иначе — она захватывает тебя и требует настоятельных ответов на вопросы» (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 16 об.).

⁸⁶ «Хорошая вещь», — писал Станюкович Брюсову (там же) о стихотворении Минского «Столпотворение» (Н. М и н с к и й. Стихотворения. СПб., 1896).

⁸⁷ Написано 15 июля 1896 г. и вошло в *МЕЕс*; посвящено А. Я. Браиловскому, с которым Брюсов познакомился в Пятигорске (*Дневники*, стр. 24—25; 154; см. также *Собр. соч.*, т. 1, стр. 581).

⁸⁸ В недатированном ответе на п. 12 Станюкович, процитировав второй абзац из п. 4, продолжал (курсивом отмечены слова, особенно задевшие Брюсова): «В этом-то и коренится наша разногласица <...> Ты выдумываешь (это слово ты сам подчеркнул) подобие борьбы, тогда как у меня она является не придуманной, а насущною <...> Я требую от поэзии жизненности: объективности, образности, типичности — ты это отрицаешь, и видишь в поэте пророка только грядущее — область поэта), занятого самообожанием и неизвестно для чего (бесцельно) влюбленного в искусство. Образ неясный, как и сам символизм. Поэтому я не могу согласиться с твоим profession de foi). «Я не чувствовал до сих пор отсутствия доверия к тебе <...>, — отвечал он на сожаления Брюсова об утрате «взаимного доверия» (см. п. 12). — Меня, правда, порою брало сомнение: <...> как человек, написавший какую бы то ни было хорошую книгу, назовет ее шедеврами и посвятит ее искусству и вечности. Ты сам, помнится, довольно иронически относился к этому». И далее определял свое отношение к символизму: «Это вовсе не поэзия будущего, а гастрономическая забава обеспеченных и пресыщенных людей, не имеющих дела» (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 17—18).

⁸⁹ Об откликах на *ChdO I* см.: *Автобиография*, стр. 110; *Дневники*, стр. 22; *Ашукин*, стр. 99—103.

⁹⁰ О стихотворении «Последние слова» (*МЕЕс*) см.: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 586.

⁹¹ Рукопись *МЕЕс* Брюсов послал А. А. Лангу в июле 1896 г. (ЦГАЛИ, ф. 56, оп. 2, ед. хр. 10). Сборник вышел в декабре 1896 г.

⁹² Неточная цитата из письма Ф. И. Тютчева И. С. Гагарину (*РА*, 1879, № 5, стр. 119).

⁹³ Летом 1897 г. Брюсов намеревался совершить поездку по Западной Европе, но вернулся раньше намеченного срока. С 1 по 14 июня (н. ст.) он побывал в Германии и Голландии, но в Брюссель не поехал.

⁹⁴ О соре Брюсова с друзьями после выхода второго издания *ChdO* см.: *Письма Перцову*, стр. 72—73.

⁹⁵ Это письмо неизвестно. 9 ноября 1903 г. Федор Сологуб писал Брюсову по поводу *УО*: «Как все это хорошо, — и как все верно началу, тому, что было несколько лет перед этим, — и какое великолепное развитие! В той радости, с которой я вас

читаю, есть нечто эгоистическое, потому что с ваших первых книжек я ждал от вас многого, — и дожждаться приятно» (ГБЛ, ф. 386. 103. 25).

⁹⁶ Зиму 1897—1898 г. Брюсовы жили в меблированных комнатах «Тулон» на Б. Дмитровке.

⁹⁷ Брюсов вспоминал об этой поездке: «Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, «соскочило», и я уже не мешал своим глазам радоваться всей пестроте далей, расстилаемых горными склонами; слуху — упиваться шумом моря». («Детские и юношеские воспоминания». — «Новый мир», 1926, № 12, стр. 120).

⁹⁸ Особенность орфографии Брюсова: «Л. И. Поливанов уверил меня, что предлог «об» ставится только перед местоимениями» (*Автобиография*, стр. 110).

⁹⁹ О поездке в Петербург 8—14 декабря 1898 г. и встречах с литераторами, упоминаемыми в п. 17, см.: *Дневники*, стр. 53—58.

¹⁰⁰ 18 января 1899 г. Станюкович благодарил Брюсова за присылку брошюры *О искусстве* (ГБЛ, ф. 386. 103. 39, л. 22).

¹⁰¹ К письму приложен автограф стихотворения «На новый колокол»; см. о нем: *Собр. соч.*, т. 1, стр. 608—609.

¹⁰² Год устанавливается по содержанию: упомянутый ниже орган легальных марксистов «Начало» издавался в январе — июне 1899 г. Как видно из этого письма, Брюсов был хорошо знаком с содержанием этого журнала, а также с журналами «Жизнь», «Мир божий» и «Научное обозрение», в которых в 1899 г. печатались работы В. И. Ленина.

¹⁰³ По-видимому, Брюсов имел в виду Эдуарда Майера (1855—1930) — немецкого историка, профессора университета в Галле. Представитель теории циклизма, согласно которой история человечества развивается внутри повторяющихся замкнутых циклов, Майер изложил ее основные положения в брошюре «Экономическое развитие древнего мира» (1896). В записной тетради Брюсова (осень 1898 г.) сохранилась неопубликованная рецензия на эту книгу, интересную «не только для познания древности, но и исторического развития вообще» (ГБЛ, ф. 386. 3.21, л. 40—41 об.). Тот факт, что Брюсов сближал с марксизмом глубоко чуждую ему антиисторическую концепцию Майера, свидетельствует о том, что в конце 1890-х годов он еще смутно представлял себе сущность марксистской теории исторического развития общества. Вероятно, его заблуждение опиралось на «модернизм» Майера, широко применявшего термины политической экономии капитализма к явлениям древнего мира.

¹⁰⁴ В начале 1899 г. мысль о множественности истин увлекала Брюсова (*Дневники*, стр. 61; *ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 442). Впоследствии он развил ее в статье «Истины» (*СЦ* — 1901, стр. 127).

¹⁰⁵ Из более позднего стихотворного письма Станюковича (24 декабря 1899 г.) по поводу его неопубликованной драмы «Мрак» (см. о ней наст. том, стр. 748) и *Книги раздумий* (вышла 6 ноября 1899 г.).

¹⁰⁶ Брюсов хотел начать «Историю русской лирики» очерком о культуре Москвы XVII в. (Е. Н. Коношьян. Творческое наследие В. Я. Брюсова в его архиве. — Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Записки отдела рукописей, вып. 25. М., 1962, стр. 119—120).

¹⁰⁷ В г. Ренне (Франция) в августе 1899 г. происходило вторичное рассмотрение дела Дрейфуса.

¹⁰⁸ Освободительная борьба Трансвааля против Великобритании (1899—1902) закончилась победой англичан.

¹⁰⁹ Замысел этого сборника стихов не был осуществлен.

¹¹⁰ О публикации переводов Брюсова в «Южном обозрении» см.: *ЛН*, т. 84, кн. 1, стр. 423, 441, 444. Сотрудничество его в *РА* началось статьей «О собрании сочинений Ф. Тютчева» (1898, № 11).

¹¹¹ В посвященном памяти художницы Е. Д. Поленовой номере журнала «Мир искусства» (1899, № 18-19) воспроизведены ее работы (рисунки на темы русских сказок, эскизы вышивок и обоев, выполненные в русском народном стиле). В июньском номере, посвященном столетию со дня рождения Пушкина, напечатаны статьи В. Розанова, Мережковского, Минского и Сологуба (1899, № 13-14). Офорты Гойи из серии «Капричios» иллюстрируют статью Бальмонта «Поэзия ужаса» (№ 11-12). Рисунки норвежских художников Э. Веренскиольда и Ф. Таулоу опубликованы в номерах 1, 2 и 6.

¹¹² Роман Мережковского «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи») см.: «Мир божий», 1900, № 1—12.

¹¹³ В издании П. П. Перцова вышли книги В. В. Розанова «Литературные очерки» (СПб., 1899) и «Природа и история» (СПб., 1900).

¹¹⁴ Ив. Коношевский. Мечты и думы. СПб., 1900.

¹¹⁵ «Воскресение» Л. Н. Толстого печаталось в 1899 г. в журн. «Нива». Прочитав его в январе 1900 г., Брюсов записал: «Хорошо, несомненно. Это свод всего, что в разное время Толстой говорил, его завещание» (*Дневники*, стр. 80).

¹¹⁶ В обзоре русской литературы для английского журнала «Athenaeum» (1 июля 1899 г., № 3740, стр. 26) Бальмонт отрицательно отозвался о «Воскресении» и сочувственно упомянул книгу «оригинального писателя» Брюсова «О искусстве». Этот отзыв цитирует анонимный автор статьи «Толстой в Англии» («Южное обозрение», 1899, 2 августа, № 882).

¹¹⁷ Отгиск рассказа «Беглец» («Книжки Недели», 1900, № 7) в архиве Брюсова не сохранился.

¹¹⁸ Эпиграфы к книге «Пережитое. Записки зрителя войны» (СПб., 1907) взяты из «Истории Пугачева» Пушкина, а также из *Sz* («Гребцы тримемы» и «На Новый 1905 год»).

¹¹⁹ 8 сентября 1907 г. Станюкович писал Брюсову: «...в день выхода <книги> наложили арест и привлекли меня по 128 статье, но Судебная палата не нашла состава преступления: дерзостного неуважения к Верховной власти» — и арест снят» (ГБЛ, ф. 386, 103. 49, л. 35).

¹²⁰ Датируется по почт. шт. на конверте: «Москва. 5 сент. 1907». В рецензии на «Пережитое» («Столичное утро», 1907, № 79, 1 сентября) Н. И. Петровская писала: «Простой и горестный рассказ о «несчастной войне» <...> под пером Станюковича зацветает истинным лиризмом <...> Основной тон его книги — это недоумение, горький вопрос «зачем?».

¹²¹ По-видимому, Петровская отражала точку зрения Брюсова, утверждая, что в этой книге «есть искренность, но нет ни стиля, ни поэтической чуткости, ни своеобразности мысли» («Весы», 1907, № 11, стр. 61). В архиве Брюсова «Путевой альбом» не сохранился.

¹²² Н. И. Петровская писала, что «Пережитое» принадлежит к числу тех «книг о войне, которые останутся надолго, как скромные и ценные памятники трагического прошлого. Помимо ее исторического значения и интереса точной фотографии, она обладает достоинствами художественными, что может быть и составляет ее главное значение» («Весы», 1907, № 10, стр. 69).

¹²³ Газета «Столичное утро» была закрыта в октябре 1907 г.

¹²⁴ О летних поездках 1908 г. см.: *Дневники*, стр. 139—141.

¹²⁵ «Петербургские выставки. Сезон 1908—1909 года» («Весы», 1909, № 3).

¹²⁶ Это не совсем точно. Последнее из сохранившихся писем Станюковича датировано 6 октября 1909 г. (ГБЛ, ф. 386. 103. 49, л. 47).